

Александр Михайловский
Юлия Маркова

АЛЫЙ ФЛАГ АКВИЛОНИИ
ИТОГОВАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ

Прогрессоры - 9

Прогрессоры

Александр Михайловский

**Алый флаг Аквилонии.
Итоговая трансформация**

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Алый флаг Аквилонии. Итоговая трансформация /
А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2023 — (Прогрессоры)

Государство Аквилония, созданное из равноправных представителей разных времен и народов, объединившихся для совместного устремления к лучшей жизни и противостояния беспощадному Каменному веку, вступает в фазу решающих перемен. Возвращение спасательной экспедиции, по ходу плавания приросшей и людьми, и кораблями, совпало с двумя недружественными вторжениями, последнее из которых обозначило на горизонте нового страшного и беспощадного врага. Теперь, чтобы выжить и победить, молодому государству предстоит прыгнуть буквально в несколько раз выше собственной головы. Прочитав эту книгу, вы узнаете, с кем еще суждено встретиться аквилонцам и каким испытаниям в ходе итоговой трансформации подвергнет их неведомый Посредник.

© Михайловский А. Б., 2023

© Автор, Автор, 2023

Содержание

Часть 33	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Алый флаг Аквилонии.

Итоговая трансформация

Часть 33

Пришельцы с неба

12 июля 3-го года Миссии. Пятница. Два часа дня. Большой Дом.

Конвоирование пленных космических пришельцев к Большому Дому вылилось в триумфальное шествие. «Волчицы» улыбались морским пехотинцам, те в долгу не оставались. Опасность была велика, гораздо больше, чем от нападения викингов, но все закончилось хорошо.

Вожди, однако, не разделяли всеобщего оптимизма. Главными героями дня были все-таки артиллеристы, сумевшие снайперскими попаданиями смахнуть с небес инопланетный корабль, ну и о Посреднике забывать не следовало – не иначе как он подправил траекторию снарядов так, чтобы те попали в цель единственно верным образом.

О том, что в любом другом случае дело закончилось бы ничем, говорила совершенно неповрежденная обшивка вражеского летательного аппарата, да еще то, что его команду напугала только гипотетическая возможность применения такого абсолютного оружия, как излучатель антиматерии. Впрочем, стратегическая дезинформация – это тоже оружие на войне, и Дэм, сыгравшая важную роль в этой истории, оказалась в деле введения противника в заблуждение на высоте. Главный военный вождь решил, что, когда все закончится, он обязательно поговорит с экзотической девочкой – но не как взрослый с ребенком, а как один из руководителей с ответственным гражданином, проявившим на войне мужество и сообразительность.

А еще против нападающих сыграли их самоуверенность и первоначальное пренебрежение к обитателям аквилонского поселения: они посчитали тех дикарями. Главный военный вождь знал, что ни один нормальный военный летчик не стал бы зависать над целью для того, чтобы лучше прицелиться. Следующие незваные визитеры могут оказаться гораздо более опытными в ведении боевых действий, и тогда при нападении уже не удастся отделаться легким испугом. Поэтому «эльфов», как прозвал их Серега, необходимо как можно скорее допросить, выведать секреты их корабля, а самих инопланетянок постараться направить по Пути Испупления. После присоединения к Аквилонии малышки Дэм все принципиальные барьеры по этой части были уже сломаны, вопрос был только в языке, на котором будет идти общение с пленными: наверняка те не знают ни одного земного языка, а никто из аквилонцев не ведает эльфийского.

Самим эйджел дорога через лес казалась воистину путем на Голгофу (хотя они и понятия не имели о том, что это такое). Они были побеждены силой неодолимых случайностей, сдались на милость местных варваров, и даже теперь не были уверены в том, что победители сдержат свое обещание. Их смятение усиливало то, что так напугавшее их существо оказалось всего лишь маленьким детенышем женского пола, находящимся под полным контролем взрослых варваров-хумансов. Правда, эйджел не заметили, чтобы главари дикарей общались с этим существом с пренебрежением или признаками помыкания, да и оно само как будто было довольно своим положением в их обществе. . . И это в большие головы эйджел не укладывалось совершенно, ведь всем им известно, что ни один представитель цивилизованного вида не сможет полноценно существовать в окружении диких хумансов.

Кроме моральных неудобств, представители цивилизованных видов испытывали чисто физические: они привыкли ходить исключительно по ровным поверхностям (палубам кораб-

лей и мощным дорожкам), и сейчас поминутно спотыкались на ухабах и выбоинах, острые камни и колючки кололи их босые ноги. Однако горhini, чьи титанически-округлые формы приводили мужскую часть аквилонского отряда в состояние остоленения, шагали по лесу, неумолимые как танки, не обращая внимания на неровности местности. И даже Серега затруднялся в том, как обозначить этих существ, ибо для «гномов» они были чересчур велики, а для «гоблинов» – слишком человекообразны.

И вот он, Большой Дом. А перед ним – его обитатели, уже отойдя от действия парализующего оружия, встречают возвращающийся с победой отряд. Здесь же и весь прочий аквилонский бомонд.

Увидев эту картину, главный военный вождь начал мало-мало ругаться:

– Вы, товарищи, ведете себя крайне легкомысленно, как малые дети! А если тот корабль, что мы уже сбили, тут не единственный? И тогда в любой момент может последовать повторное нападение, а вы все собрались в одном месте – и таким образом враг выведет вас всех из строя одним ударом. Вы, товарищ Седов и вы, товарищ Деревянко, сегодня, конечно, отличились самым невероятным образом, но почему вы здесь, а не на своих батареях, в полной готовности отразить любую угрозу?

– Повторного нападения быть не может, – безапелляционно заявила Дэм. – Я это прочла в уме той, что называет себя матроной темного клана. Здесь они все, и других дееспособных представителей этой расы в окрестностях вашего мира нет и не предвидится. Она очень много об этом думала, потому что этот факт, свидетельствующий о невозможности получить помощь, приводит ее в отчаяние.

– Так, – сказал Верховный шаман, – а вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее о том, каким образом ты можешь читать в чужом уме и кто ты вообще такая, наша дорогая маленькая Дэм... Я давно хотел поговорить с тобой как можно более подробно – в частности, о том, как ты так быстро смогла выучить русский язык, но вчерашний день был наполнен ужасной суетой, а сегодня с утра к нам прилетели незваные гости.

– Я вам о себе все расскажу, дядя Петрович, – вздохнула Дэм, – все-все, честное слово, но сначала покажите, что вы цивилизованные существа и развяжите дамам руки и предложите им присесть. Да-да, вот этим черным и белым худышкам с острыми ушами и тем мускулистым великаншам, похожим на призовых борцов. Пусть они и незваные гости, но надо же иметь уважение к женскому полу.

– А они настоящие женщины или только похожи? – спросил лейтенант Сердюк, с осторожным любопытством косясь на остроухих пришелиц.

– Самые настоящие, – ответила маленькая деммка. – Если вы возьмете одну из них в свою семью, то уже где-то через год будете любоваться на маленького младенчика-метиса, имеющего признаки обеих рас.

Присутствующие мужчины ошарашенно переглянулись. Кто-то смущенно крикнул.

– Ладно, парни, – сказал Сергей Петрович, – развяжите этим особам руки и освободите для них скамейку, а мы пока поговорим с Дэм. Ну-с, слушаю вас, юная госпожа...

– Дело в том, что мы, деммы, магическая раса, – начала та свой рассказ. – Но вы можете не беспокоиться. В этом мире магии так мало, что ее не хватит даже на ярмарочный фокус с зажиганием огня щелчком пальцев. Все, что я могу, это обратить немного магии внутрь себя, наколдовав себе внимания, усидчивости и недетской серьезности. Именно так я и выучила язык: окружающие меня бесхвостые-безрогие – в первую очередь, тетушки Ванесса, Алаль и Сиси – взявшись за мое обучение, говорили разные слова, а я видела образы, мелькающие у них на поверхности сознания. Но и это далеко не все: таким практикам учат далеко не всех маленьких деммских девочек, а только тех, что принадлежат к высшим кругам общества, ведь от этого может зависеть, доживут ли они вообще до взрослых лет.

– Да, – сказал Верховный шаман, – Ванесса говорила, что заподозрила в тебе аристократку по твоему поведению за столом.

– Аристократка – это не то слово, – грустно усмехнулась маленькая рогатая-хвостатая, – мой дядя был императором всех деммов, правда, очень недолго, а моя мама – наследной принцессой, которая должна была родить ему наследника мужского пола. Именно поэтому у меня такое имя.

– И как же случилось, госпожа маленькая принцесса, что вы сейчас здесь, с нами, а не у себя во дворце, со слугами и няньками? – усмехнувшись, спросил капитан Гаврилов.

– Коварство, интриги, жажда власти, заговор, переворот... – прошипела в ответ Дэм, разведя маленькие ручки с длинными когтистыми пальчиками. – В императорском дворце во время приема взорвалась магическая бомба. В результате дядя и мама, а также множество преданных им деммов погибли, а меня схватили, разорвали связь с Азазелью и надели специальный ошейник, отрезающий доступ к внешним и внутренним источникам силы, после чего швырнули туда, где уже бесновалась толпа фанатиков с дубинами, возглавляемая одним из худших коллег дядюшки Бонифация. Им было все равно, что связь с Азазелью уже разорвана и во мне нет зла. Рогатая-хвостатая – значит, бей насмерть. Но тот, кого вы называете Посредником, решил все по-своему. Он подправил межмировой канал, и я оказалась в месте, весьма далеком от запланированного заговорщиками. А остальное вы уже знаете от дяди Сергея.

– А кто такая или такой Азазель? – простодушно спросил падре Бонифаций.

– Азазель – это богиня коварства и злых шуток, – ответила маленькая деммка, – вместе с братом-близнецом Азазелло, покровителем интриг и заговоров, которому при рождении посвящают мальчиков, они составляют неразлучную пару, во всем противоположную вашему Всемогущему, Всеведущему и Всеблагому Богу. Но об этом говорить уже не стоит, потому что нити Зла разорваны, и я не существую более для Азазели, а она для меня. Сначала это больно, а потом появляется такое чувство, будто без крыльев взлетаешь прямо к небесам.

Примас Аквилонии внимательно взгляделся в лицо Дэм и кивнул.

– Зла в тебе, мой юный госпожа, и в самом деле уже нет, – нараспев произнес он. – Рога и хвост при этом ничего не значат. Скажи, ты согласен принять святое крещение и стать один из нас?

– Согласна, – решительно кивнула юная деммка, встряхнув пышной гривой черных волос, – но только не с камнем на шее. Предупреждаю, что в таком случае я буду громко кричать и звать на помощь вашего Патрона. Да! Ведь мы с ним в некотором роде уже знакомы.

– Господь не хочет твой смерть с камень на шее, а хочет дать тебе жизнь вечная, – назидательно-ласковым тоном произнес добрый священник.

– Простите, дядюшка Бонифаций, – смутилась Дэм, – я неудачно пошутила. Такое уж у меня было плохое воспитание. Вы приняли меня как одну из своих, и я вас всех люблю, но больше всех я обожаю маму Мадлен и дядю Сергея, потому что они взяли меня в свою семью. За них я любого готова порвать на лоскутки, потому что теперь я снова не сирота, а девочка из хорошей семьи. Когда я очнулась от паралича и увидела, что мама Мадлен страдает, я была готова совершить с этими мерзавками (кивок в сторону испуганных эйджел, рядом сидящих на скамейке) такое, чтобы все злые боги деммов побросали свои дела и примчались сюда перенимать у меня опыт. Но потом, когда моей милой маме стало лучше, это чувство прошло, и я снова могла мыслить рационально, как и подобает цивилизованному существу. Теперь я желаю тем, кто причинил нам зло, не мучений и смерти, а исправления и улучшения. Простите меня, если я что неправильно сказала...

Хвостик ее подрагивал, а выражение скуластого личика с заостренными чертами было таким трогательным, что все расчувствовались.

– О Дэм! – воскликнула Мадлен Петрова-Моррель. – Я тоже тебя очень люблю!

– Мамочка! – звонким птенчиком крикнула юная деммка, бросаясь в ее объятия. – Когда ты потеряла сознание, внутри меня стало так пусто, что сердце мое было готово разорваться от горя! Но потом я пришла в себя и показала эти гадинам, на что способна знатная деммская дама, которую перед этим хорошенько разозлили... – В ее торжествующей улыбке мелькнули белоснежные острые зубки.

– Да, Петрович, – сказал главный военный вождь. – Я подтверждаю, что сразу после нападения Дэм находилась в состоянии ледяного бешенства от того вреда, что был причинен ее приемной матери, но быстро взяла себя в руки и оказала нам неоценимую помощь. Это благодаря ей вся эта кодла довольно быстро вылезла наружу с поднятыми руками, а не продолжила отсиживаться внутри своего подбитого аппарата. Несмотря на весьма юный возраст девочки Дэм, в порядке исключения, я ходатайствую о ее приеме в ряды нашего ополчения.

– Ну хорошо, Дэм, – сказал шаман Петрович, – с твоим происхождением, лояльностью и большей частью способностей мы разобрались. Ополчение так ополчение – если Андрей ходатайствует, значит, так тому и быть. А теперь объясни нам, будь добра, как ты можешь читать в чужом уме?

– Умению читать чужие мысли и скрывать свои знатных деммских дам учат с младых ногтей, чуть ли не с колыбели, – важно сказала Дэм, высвободившись из объятий Мадлен. – Но такое возможно только с существами, имеющими деммское происхождение. У большинства бесхвостых-безрогих область мозга, необходимая для того, чтобы принимать чужие мысли и транслировать свои, или работает на другой частоте, или попросту недоразвита. Я не слышу ни ваших мыслей, ни мыслей великанш, ни мыслей вон тех светлокожих дылд, зато при некотором напряжении могу читать мысли их черных сестер, хотя им, чтобы услышать меня, необходимо устройство, оставшееся в летательном аппарате. Видимо, с точки зрения способностей к магии, черные не совсем полноценны, а потому нуждаются в механических приспособлениях...

– Все это хорошо, – сказал главный военный вождь, – но нам как можно скорее необходим двухсторонний контакт с этими существами, чтобы мы понимали их, а они нас. Помнится, ты говорила, что прочла в их мыслях, что нас хотели захватить и допросить. Но как они собирались это делать, если мы не понимаем их языка, а они нашего?

Юная деммка, прищурившись, внимательно посмотрела в сторону эйджел – те при этом беспокойно заёрзали.

– Кажется, дядя Андрей, я знаю, что нам нужно и как оно выглядит, – после некоторой паузы произнесла она. – Если ты позволишь, я принесу эту штуку сюда из их летательного аппарата... Она совсем небольшая и нетяжелая.

– Пусть будет так, Дэм, – согласился Андрей Викторович, – но при этом с тобой пойдет Аяша – она передаст караулу мое распоряжение пропустить тебя внутрь.

– Не родился еще такой бесхвостый-безрогий, который смог бы удержать меня от желания немного похулиганить! – воскликнула юная деммка, игриво взмахнув хвостом. – Но, наверное, ты прав, и проделать все официальным порядком будет гораздо солиднее...

– И безопаснее, – добавил главный военный вождь. – Не ты первая из тех, кто по молодости лет думал, что родился бессмертным, а потом мы хоронили его под звуки гарнизонного оркестра. Шальная пуля зла, слепа и бестолкова, и ей все равно, как ловко ты умеешь маскироваться и отводить глаза. Шмальнул часовой на непонятный шорох в кустах – и готов несчастный случай. Ладно, идите – чтобы одна нога здесь, а другая там.

Когда Дэм и Аяша ушли, шаман Петрович спросил:

– А теперь, отец Бонифаций, скажите, что вы думаете по поводу Дэм?

– Я думаю, – сказал тот, глубокомысленно оглаживая полуседую бороду, – что, несмотря на свой страшный адский вид, эта девочка тоже есть часть Замысел, Званая и Избранная. Я считаю, что она у нас такой единственный, и больше не будет. Господь для того привел ее к нам

прямо в руки, чтобы и мы, и она оправдали Его ожидания. Немного озорство и острый язык не страшно, главное, что в ней нет Зло, а значит, есть Душа.

– А эти? – спросил Сергей Петрович, кивнув на эйджел и горхов, присевших рядом со скамейкой на корточках. – Мне до сих пор не по себе от мысли, что мы были на грани крушения всех наших начинаний.

– Они, – ответил добрый священник, – есть величайший Испытание и Опасность, и такой же большой Возможность. Опасность и Возможность для весь человечество, а не только наш Аквилония. Но для того, чтобы понять, где одно, а где другой, нам надо с ним говорить. Творец создал много разных мир, и некоторый его дети совсем не похож на нас, но всем им надо дать истина, мир и братский любовь. Когда вы с ними говорит, я думать над этим и дать свой ответ.

– Хорошо, отче Бонифаций, – кивнул Верховный шаман. – Леди Сагари, а вы что скажете?

– Если вы спрашивать о Дэм, то этот девочка-ламия¹ чист и прозрачен, не имеет злых и задних мыслей, – ответила аквитанская княгиня. – Если вы говорить об этих (кивок в сторону эйджел) то у них два главных чувства: превосходство над человек и сильный страх смерть, а их слуга не думать совсем. Больше я не видеть ничего.

– Ну ладно, – сказал Сергей Петрович, – дождемся возвращения Дэм, и приступим к самому интересному.

Маленькая деммка и Аяша прибежали минут через пятнадцать. Дэм держала в руках помигивающую огоньками шарообразную штуку лилового цвета размерами чуть поменьше волейбольного мяча. Увидев этот предмет, эйджел в волнении даже привстали со скамейки, но грозный вид конвоиров заставил их тут же плюхнуться задами обратно.

– Мы испытал этот штука друг на друге, – радостно сообщила «волчица». – Она открывает мысли и позволит без обман говорить без слов прямо из ума в ум! После такой ты будешь либо лучший друг, либо злейший враг. Я теперь любить Дэм как свой сестра... – Она ласково потрепала маленькую озорницу по голове.

– Я теперь тоже люблю тетушку Аяшу, – ответила рогатая-хвостатая, прижимаясь щекой к боку новой подруги. Затем, выпрямившись, серьезно произнесла, подняв перед собой палец с серебристо-серым чуть загнутым коготком: – Но прежде чем вы используете этот шар для допроса пленных врагов, я хотела бы переговорить через него с дядюшкой Бонифацием, чтобы у него рассеялись даже самые малейшие сомнения в мой адрес.

Не без опасений священник подошел к юной деммке, держащей шар в правой руке, и положил на него правую же ладонь. Некоторое время он стоял так неподвижно, только слегка прикрыв глаза, и только потом отнял руку от этого предмета.

– Это величайший чудо и тайна, даже больший, чем исповедь! – сказал он с торжественно-вдохновенным выражением. – Теперь у меня больше нет никакой сомнений, что Дэм прислан к нам сам Великий Дух!

Хвостик маленькой деммки дрогнул, выражая удовольствие, после чего она торжественно провозгласила:

– А теперь я хочу, чтобы ко мне по очереди подошли дядя Петрович, дядя Сергей и мама Мадлен. С Петровичем мне надо поговорить из ума в ум по важному делу, дяде Сергею я хочу выразить благодарность, а маме Мадлен – любовь, для которой не хватает слов. Это действительно очень полезная штука, и использовать ее надо не только для допроса разных нехороших существ...

Великий шаман простоял перед Дэм примерно с минуту, при этом все видели, что морщины на его лбу разглаживаются, а губы начинают улыбаться.

¹ ламия – магическое существо в дохристианских верованиях басков.

– Да, моя маленькая леди, – закончив мысленный разговор, сказал он вслух, – так мы и сделаем!

Сергей-младший «разговаривал» совсем недолго; потом дождался, пока Дэм переложит шар в левую руку, и пожал ее маленькую красную ладошку.

– Ты среди своих, девочка, – сказал он. – Если тебя кто-нибудь обидит, то тому негодяю мы натянем глаз на задницу и заставим моргать.

Мадлен Петрова-Моррель во время мысленного разговора с необычной приемной дочерью опять расплакалась, и опять от счастья, а Андрей Викторович подумал, что счастлив господин Мергенов, не доживший в Аквилонии до появления маленькой деммки. Уж она-то сумела бы отомстить за обиду приемной матери – так, что не понадобилось бы никакого изгнания. Этот нехороший человек просто сам повесился бы на первом суку.

И вот Великий шаман осторожно берет в правую руку лиловый шар, а Дэм указывает на одну из черных «эльфик» и говорит:

– Это она была главная на их корабле, а остальные нам пока не нужны.

Госпожа Азалиэн с ужасом наблюдала, как существо неизвестного вида учит местных варваров управляться с ручным ментоскопом, и укрепляя при этом свое влияние. Не зря они заподозрила в нем представителя космической цивилизации... При этом матрона темного клана с новой силой поверила в то, что у этих хумансов в запасе имеется излучатель антима-терии.

Потом один из самцов-воинов, указав рукой на нее, прорычал что-то на своем языке, и она поняла, что теперь ее очередь говорить из ума в ум с главным хумансов. В ходе этого разговора решится вопрос жизни и смерти ее клана – будут ли она и ее дочери существовать дальше, и если да, то в каком качестве.

И вот она стоит перед главарем шайки преступников, возвышаясь над ним на две головы, но у нее ощущение, что это именно он смотрит на нее, представительницу космической цивилизации, сверху вниз, как умудренная опытом матрона на неразумного детеныша. Сами собой ее ноги подогнулись, и она встала на колени перед вождем варваров, положив правую руку на ментоскоп, и, содрогаясь от подступившего ужаса, мысленно произнесла ритуальную формулу унижения побежденного перед победителем:

– Могушественнейший, вы победили, и отныне наша жизнь и смерть – в ваших руках. Наш клан сдался на вашу милость, и теперь мы покинутые сироты, которые больше никому не нужны, а потому вы вправе делать с нами все, что захотите. Это говорю вам я, бывшая госпожа Азалиэн, бывшая матрона бывшего клана Игла Мрака.

– Это не я Могушественнейший, госпожа Азалиэн, – так же мысленно ответил главарь хумансов, – а Тот, кто создал Все Сущее во Вселенной, Всемогущий, Всеведущий и Всебла-гий Бог, властитель Пространства и Времени. Это именно Он позвал нас сюда из далекого будущего нашей планеты, после чего указал строить в этом диком мире цивилизацию нового типа, свободную от лжи, зависти, похоти и злобы. Время от времени эта могущественная Суш-ность присылает нам необходимое для этой деятельности материальное имущество и помощ-ников из разных времен, а иногда производит испытания нашей готовности отражать опасно-сти и переносить трудности. Что касается вашей жизни и смерти, то должен сказать, что мы не убиваем без крайней необходимости и не держим рабов. Поэтому единственное, что я могу вам предложить, это пройти Путь Искупления и присоединиться к нашему государству Акви-лония в качестве полноправных сограждан. Это говорю вам я, один из Основателей, Верхов-ный Учитель и Председатель Правящего Сената, Сергей Петрович Грубин.

От этой мысли хуманса госпожа Азалиэн согнулась как от удара. При общении через ментоскоп лгать невозможно: вождь варваров с тройным именем был полностью уверен в том, что сообщал. И в то же время сама матрона темного клана, наблюдая это место с орбиты и при облете на малой высоте, пришла к похожему выводу о чужеродности и аномальности этого

поселения на теле планеты-прародительницы. Обитай тут светлые эйджел, а не хумансы, народонаселения этого места хватило бы на десяток крупных и благополучных кланов, даже если брать вместе с горхами и сибхами. Еще тогда она подумала, что основатели этого места пришли сюда извне, укоренившись на благодатной непаханой почве – и эта догадка оказалась верной, только им для этого пришлось одолеть не пространство, а время, пройдя через бесчисленное множество его слоев-реальностей. Сомнение у нее вызывало только имя той могущественной Сущности, которая решила поставить этот эксперимент с немодифицированными хумансами, сделав ставку на социальные, а не биологические изменения этого вида. Если это еще один Древний (могущественное, но смертное существо) или группа таких существ, это одно дело, а если главарь хумансов имел в виду Великого Духа Вселенной, чье имя среди темных эйджел не принято поминать всуе, то совсем другое. Впрочем, по определенным обертонам в мысленном сообщении визави можно было сказать, что он ведет речь идет как раз о втором.

– Вы предлагаете нам присоединиться к вашему клану? – мысленно спросила матрона темных. – Но как это сделать, если и наш, и ваш вид крайне негативно относятся к непохожим на них существам?

– Мы к непохожим на нас существам относимся спокойно, и даже по-дружески, если они сами того пожелают, – ответил собеседник госпоже Азалиэн и добавил, одновременно мысленно и голосом: – Дэм, иди-ка сюда.

На этот зов к беседующим через ментоскоп подошла самка-детеныш неизвестного эйджел разумного вида и посмотрела на матрону внимательным недетским взглядом, от которого у той по загривку побежали мурашки.

– Дэм, – сказал хуманс, – поддержи-ка эту штуку...

Маленькая красная ладошка перехватила прибор, и матрона темных ощутила в своей голове мысли этого нового существа.

– Привет, – подумала экзотическая малышка, – меня зовут Дэм, я племянница императора народа деммов, обитающего в одном очень далеком отсюда мире. За свою недолгую жизнь я успела стать жертвой предательства, потеряла всех близких из своего народа, претерпела смертельную опасность, которая должна была меня убить, получила неожиданную помощь от существа, считавшегося враждебным всем деммам, и встретила этих бесхвостых-безрогих, принявших меня к себе как родную. Теперь у меня снова есть любимая мама, за обиду которой я любого проверну живьем через мясорубку, а также дядя – предмет моей нескрываемой гордости и обожания.

– Привет, – подумала в ответ темная матрона, – меня зовут госпожа Азалиэн, я матрона темного клана Игла Мрака. Мне много-много стандартных циклов, но в смертельную опасность я попала только сейчас...

– Ты, тетушка Азалиэн, не попала в опасность, а нарвалась на нее, а это не одно и то же, – язвительно подумала в ответ малышка Дэм. – Ну кто тебя заставлял нападать на моих бесхвостых-безрогих друзей, которые не причиняли тебе зла?

– Их поселение – это незаконная деятельность, и мы должны были ее пресечь, – твердо ответила темная матрона. – Совет Кланов постановил, что на планете-прародительнице не должно быть никакого постороннего вмешательства, и всем эйджел вменяется выполнять это указание.

– Чего?! – возмущенно спросила Дэм. – Какая такая незаконная деятельность?! Это их планета, тут они у себя дома, и делают что хотят и когда хотят, а ваш Совет Кланов должен обходить их дальней дорогой!

– Мы, эйджел – космическая цивилизация! – гордо заявила госпожа Азалиэн. – А потому можем определять правила для хумансов.

В ответ девочка впиалась в глаза темной эйджел таким пронзительным взглядом, что та почувствовала, как ее мозг выворачивают наизнанку, обшаривают там каждый уголок, а потом, скопировав информацию, довольно небрежно запикивают все обратно.

– Ну вот, так-то лучше, – с усмешкой заявила маленькая рогатая-хвостатая. – Мы, деммы, магическая раса! И хоть тут магии не хватает даже на то, чтобы дать кому-нибудь закуристь, эта штука, которую ты называешь ментоскопом, как оказалось, прекрасно ее заменяет. По крайней мере, ментальные заклинания проходят через нее даже лучше, чем, так сказать, классическим способом. Знаешь, тетушка Азалиэн, ты так много думала про эту «космическую цивилизацию», что я решила внимательно посмотреть, что это такое. И вот что я скажу тебе... Гордиться вам, собственно, нечем. Во-первых, вы не сами забрались на такую высоту своим пытливым умом и мастерством опытных ремесленников, а вас туда закинули пинком под зад. Во-вторых, за ту невиданную тучу лет, что прошла с того момента, вы не сдвинулись с начального места ни на пядь, хотя почти любой другой расе этого времени хватило бы, чтобы три раза собственными силами развиться от каменного топора до «космической цивилизации» и скатиться обратно. Этот «Древний», наверно, убежал от вас, ужаснувшись вашему нежеланию до всего доходить своим умом. Вытащить ваших предков из джунглей он смог, а вот сделать цивилизованных существ из закоренелых дикарей у него не получилось.

– Мы не дикари! – до глубины души возмутилась госпожа Азалиэн: она только что услышала самое страшное, неслыханное, невообразимое оскорбление.

– Нет, вы дикари, да еще какие, – услышала она твердый ответ, – только общество дикарей состоит из отдельных разрозненных кланов, а не составляет собой единое государство. Тут все местные безрогие-бесхвостые пребывают пока в дикарском состоянии, но стоит им показать дорогу к цивилизации, как они сами, без посторонних понуканий, начинают карабкаться по ней вверх изо всех сил, да еще соревнуются между собой, кто выше всех залез. В моей новой семье предостаточно тетушек, которые еще три годовых цикла назад жили в местных кланах и пребывали в самой дикой дикости, но сейчас это вполне цивилизованные существа, с которыми не стыдно водить дружбу.

– Цивилизованные хумансы – это нонсенс! – с невероятным апломбом заявила темная матрона. – Эта раса самостоятельно никогда не сможет выбраться из своих пещер!

– Открою тебе тайну, которая никакой тайной, конечно же, не является, – в мысленных интонациях юной деммки отчетливо слышалась ярость. – Основатели этого государства Аквилония и их главные помощники прибыли из тех времен своей планеты, когда местное общество, следуя путем самостоятельного развития, уже обрело основные черты цивилизованности, и до статуса «космическая цивилизация» им было уже совсем недалеко. И это исключительно собственными силами, за очень ограниченное, по вашим масштабам, время. Только путь тот был нелегок и тернист, а потому изобиловал потерями и обретенными дурными привычками. Здесь и сейчас мои друзья с помощью своих местных соплеменников строят такое общество, которое было бы вполне цивилизованным, и одновременно лишенным недостатков предыдущих формаций. Предложение присоединиться к нему, от души сделанное тебе дядюшкой Петровичем, это не оскорбление и не наказание, а величайшая возможность обрести статус цивилизованного и высококультурного существа. Ты только посмотри на себя: грязная, вонючая, волосы сальные, под ногтями грязь, а еще матрона. Разве так должна выглядеть уважающая себя высокопоставленная самка цивилизованного космического вида?

– Наша цивилизация эйджел могуча, и Совет Кланов ни за что не допустит подобного святотатства! – уже гораздо менее уверено заявила темная эйджел. – Смешение с хумансами у нас строго запрещено и преследуется обычаями и правовыми установлениями.

– Знаешь что, милая тетушка Азалиэн... – мысленно хмыкнула в ответ Дэм. – Если та могучая Сущность, которая и сподвигла моих друзей на каторжный труд создания новой цивилизации, вдруг почувствует угрозу своему Замыслу, то она пришлет сюда на под-

могу моим друзьям такой ужасный ужас, что спустя весьма короткое время о вашей цивилизации и Совете Кланов можно будет говорить только в прошедшем времени. Мол, были такие, да сплыли. Были уже прецеденты в других искусственных мирах. При этом эйджел непременно сохранятся как вид (потому что мои друзья не истребляют побежденных), но только никакой собственной отдельной цивилизации у вас больше не будет. Вместо того вы будете частью многовидовой социальной конструкции, берущей начало из этого истока. И мои потомки тоже будут там вместе с вами, ибо я сама отсюда никуда уходить не собираюсь, даже если появится такая возможность. Еще чего – бросить маму и дядю? Впрочем, даже если ты и твои сестры откажетесь добровольно идти Путем Искупления, я буду ходатайствовать о том, чтобы вас не прогоняли голыми в окружающую среду и не отрубали головы, а подвергли бы этой процедуре в принудительном порядке, потому что вы, как детеныши, ничего не понимаете и полны предубеждений. Думаю, что меня послушают, несмотря на юный возраст. Ну ты меня понимаешь.

– Да, я тебя понимаю... – горестно вздохнув, мысленно ответила матрона клана Игла Мрака и спросила: – Скажи, Дэм, а Путь Искупления – это очень неприятно?

– Путь Искупления, – ответила та, – это когда ты делаешь что прикажут и спишь где положат, а все остальное – еда и одежда, и прочее – у тебя как у всех членов нашего общества. А если ты заболеешь, то тебя будут лечить как всех. Сама я избежала такого, ибо меня встретили как любимую дочку, но некоторые мои тетушки, названные сестры мамы Мадлен, полностью прошли эту процедуру, и остались всем довольны. Могу тебя заверить, что тебя и твоих сестер не будут заставлять делать то, что вам не свойственно, ибо тут не забивают гвозди точными приборами.

– Ну хорошо... – снова мысленно вздохнула госпожа Азалиэн, – я согласна присоединиться к вашему смешанному клану Аквилония. Так и скажи это его предводителю. А еще скажи, что мы, темные эйджел, всегда соблюдаем свои клятвы, даже если дали их под принуждением в безвыходном положении, как сейчас.

– Ты сама ему об этом скажешь, – подумала Дэм и добавила уже вслух: – Дядюшка Петрович, заберите у меня уже этот ментоскоп и заканчивайте переговоры. Госпожа Азалиэн готова принять все ваши требования и принести необходимые клятвы. А я хочу как можно скорее перестать чувствовать себя взрослой деммской дамой и превратиться обратно в девочку своих лет, которая играет со сверстниками в догонялки и залезает вместе с ними на деревья. Кроме того, я тут третий день, а из-за непрерывной дурацкой суеты так пока ничего еще не увидела. То викинги, Азраил их раздери, то эти глупые эйджел, с которыми надо возиться как с маленькими детьми! Быть взрослой – это ужасно утомительно!

– Хорошо, маленькая леди, ты молодец, – с ласковым одобрением произнес Великий шаман Петрович, забирая ментоскоп. – А сейчас ты свободна, я тебя сменяю.

– Клан Игла Мрака готов принять ваши условия и принести в этом соответствующие клятвы, – мысленно произнесла госпожа Азалиэн, как только у нее сменился собеседник; она старалась быть собранной и спокойной. – Мы, темные эйджел, всегда соблюдаем достигнутые договоренности, даже если они заключены в таком безвыходном положении, как сейчас. В первую очередь я это делаю для того, чтобы вы использовали меня и дочерей по нашей основной специальности, а не посылали на поля пропалывать картошку, чего бы это ни значило.

Верховный шаман Петрович ощутил через ментоскоп высокий уровень искренности собеседницы и ответил:

– С клятвами будет даже лучше – в таком случае можно пропустить первый этап Искупления, заключающийся в тяжелом физическом труде, и сразу перейти к вашему использованию по специальности. Но об этом немного позже, а сначала – принесение нескольких клятв, которые лично через ментоскоп должна подтвердить каждая женщина-эйджел вашего клана.

– Светлые – не часть нашего клана, а сами по себе, – послала мысль матрона темных. – С ними вам надо разговаривать отдельно. Если мы летаем между звездами в своих кораблях, то они сидят на поверхности планет и занимаются всякой ерундой.

– Хорошо, – ответил Сергей Петрович, – о светлых мы тоже поговорим позже, а сейчас, госпожа Азалиэн, поклянись, что члены твоего клана Игла Мрака никогда не причинят вред Аквилонии, ее гражданам и кандидатам на гражданство, а также, что ты не допустишь, чтобы вред оказался причинен в результате вашего бездействия.

– Клянусь, – мысль темной матроны прозвучала твердо, без малейшего умственного содрогания.

– Клянись, – продолжил Верховный Прогрессор, – что отныне ты и члены твоего клана будете относиться ко всем разумным существам, без различия их видовой, расовой и национальной принадлежности, ровно и одинаково, исключительно в соответствии с их личным статусом и заслугами перед Аквилонией.

И тут матрона темных запнулась.

– Скажите, уважаемый господин Грубин... а это правило касается и горхов с сибхами? – послала она острожный вопрос.

– А кто это такие? – мысленно спросил Сергей Петрович.

– Горхи, – замялась матрона, – это вон те, большие и сильные. Они вполне разумные, только умственно ограниченные и необщительные. Мы используем их там, где нужно применить грубую силу, а еще у них хорошая память, и потому их готовят в качестве техников. Сибхи, которых на нашем малом челноке не было – напротив, маленькие и наивные, как детеныши, зато у них ловкие тонкие пальцы и легкий нрав, а потому они занимаются сборкой точных приборов и являются обслуживающим персоналом нашего корабля. И те, и другие – не члены нашего клана, а его собственность, потому что два этих вида не приспособлены к самостоятельному существованию, и отдельно от кланов темных или светлых эйджел обречены на быструю гибель.

– Это положение следует немедленно изменить, ибо в Аквилонии одно разумное существо не может владеть другим разумным существом, – прозвучала в ответ суровая мысль Председателя Правящего Сената. – Мы еще подумаем, какой личный статус может быть у представителей разумных видов с частичной дееспособностью, но никто из них не может считаться чьей-то собственностью. Таково наше условие победителей побежденным. Скорее всего, сибхи будут считаться у нас кем-то вроде подростков, которые уже могут принимать участие в общественно полезном труде, но еще не считаются полноправными гражданами, а статус горхов будет зависеть только от их старания и успехов в труде. В любом случае мы никого из них не бросим и не оставим бездомными, голыми и голодными.

– Этого вполне достаточно, – ответила госпожа Азалиэн. – Я клянусь, что члены моего клана будут относиться к темным и светлым эйджел, хумансам всех видов и расцветок, горхам и сибхам, а также к существам, именующим себя деммами, и представителям любых разумных видов, которые могут быть еще обнаружены, исключительно в соответствии с их личным статусом.

– Ваша клятва принята, – заключил Верховный шаман. – Теперь последнее условие. Клянись, что ты и члены твоего клана будете дисциплинированными, честными, храбрыми и бдительными гражданами Народной Республики Аквилония, станете строго хранить наши тайны и беспрекословно соблюдать все принятые у нас законы и правила, а также подчиняться тому, кого мы назначим вашим командиром.

– Клянусь! – подтвердила матрона клана Игла Мрака, и только потом спросила: – А какие именно правила мы должны соблюдать?

– Во-первых, – подумал Сергей Петрович, – сейчас вам предстоит пойти в место наведения телесной чистоты, именуемое баней, и хорошо помыться, потому что у нас так принято. Во-

вторых – после мытья вас с медицинской целью осмотрят наши врачи. Эта процедура обязательна для всех новичков, а не только таких экзотических, как вы. В-третьих, после осмотра мы дадим вам одежду, поскольку у нас тут не принято ходить голышом. В-четвертых, вас накормят, и лишь потом, в-пятых, мы встретимся снова, чтобы решить вопрос вашей дальнейшей службы.

– Хорошо, мы выполним это, – подумала госпожа Азалиэн и спросила: – Мы знаем, что вы, хумансы, очень любите совокупляться... хотелось бы знать, какие мы должны соблюдать правила на этот счет?

– Правило простое, – ответил Верховный шаман, – от женщины у нас требуется желание, а от мужчины согласие. Любое принуждение карается смертью для виновного. Если желание все же появится, то тогда следует получить разрешение Совета Матрон, оформить постоянные отношения у служителя Великого Духа, и лишь потом приступать к совокуплениям.

– Мы никогда... – начала было транслировать мысль матрона темных.

Но предводитель хумансов бесцеремонно ее прервал:

– Никогда не говори «никогда», госпожа Азалиэн. Вы только начали внедряться в наше общество, и еще не знаете, какие устремления возникнут у вас даже в самом ближайшем будущем. Главное в этом деле, как я уже сообщал, это ваше собственное желание. Это ваше, и только ваше дело, и ничье более.

Это заявление вызвало в матроне клана Игла Мрака такую бурю противоречивых чувств, что она сразу убрала руку с ментоскопа. А ее собеседник и не возражал, ибо понимал, что процесс гуманизации эйджел (а именно этим с ними предстояло заняться в самом ближайшем будущем) не терпит суеты и торопливости. Он успел прочесть в сознании своей визави, что всю свою длинную жизнь она была вынуждена подавлять естественные желания своего женского тела, ибо в обществе кланов эйджел физическая связь между женщиной и мужчиной (неважно, хумансом или самцом эйджел) считалась не просто греховной, а прямо преступной. И вдруг ей заявляют: «Делай что пожелаешь, только соблюдай вот такие простые правила».

Впрочем, справившись с собой, госпожа Азалиэн вернула руку на ментоскоп и сообщила, что согласна и на это условие. Затем она встала, подошла к скамье, на которой сидели другие эйджел, и передала им смысл своего договора с предводителем хумансов.

После этого все закончилось довольно быстро. Первыми к верховному шаману по очереди подошли дочери темной матроны – Динал Аз и Тенил Аз. Они подтвердили соблюдение клятв своей матери и ответили шаману Петровичу на несколько чисто технических «пилотских» вопросов. Потом, без лишних обсуждений, матрона светлого клана госпожа Мирал заключила с хумансами свой договор, полностью повторявший клятвы темного клана, а ее дочери и старшая тетушка подтвердили свое согласие. Вожди пока не знали, как они будут использовать светлых, но решили, что те тоже могут однажды пригодиться. Аквилонию эти четыре худосочные дамы не объедят. Четырех горхинь, раз уж их положение в клане Игла Мрака было неравноправным, никто ни о чем не спрашивал – их просто поставили в известность о заключенном договоре и вместе с эйджел отправили мыться в баню. Даже для светлых эйджел, выглядящих чисто плотнее своих темных товарок, эта процедура явно была не лишней. Напоследок Верховный шаман еще раз пообщался с Дэм через ментоскоп, после чего сказал, что вот теперь она снова может позволить себе стать обыкновенным непоседливым бесенком, играть со сверстниками в прятки и догонялки и лазить на деревья.

Полчаса спустя, там же.

Поняв, что все уже закончилось, народ стал расходиться. При этом Марина Витальевна, доктор Блохин и подполковник Легков убыли для проведения первичного медицинского осмотра эйджел, забрав с собой миелофон, то есть ментоскоп. Шутка ли: им первым предстояло обследовать хоть и очень человекообразные, но все равно внеземные формы жизни.

На месте остались только Сергей Петрович Грубин, Андрей Викторович Орлов, отец Бонифаций, Сергей-младший, военные летчики майор Александр Бояринцев и майор Евгений Агеев, капитан морской пехоты Василий Гаврилов и адмирал Никифор Толбузин.

– Итак, товарищи, – сказал главный охотник, – вот мы допились, то есть дожились, и до инопланетян... Интересно, кого еще Посредник пришлет на наши бедные головы?

– Ты не прав, Андрей, – возразил Верховный шаман, – я выяснил, что наши новые «гости» – это не пришельцы из других времен, попавшие под заброс Посредника, а чисто местное явление. И хоть нам может показаться, что в космосе сбиться с пути легче всего, меня заверили, что ничего подобного не было, потому что их корабль, выходя из межзвездных прыжков, ни разу не обнаружил изменения положения ключевых звезд-сверхгигантов, используемых в качестве ориентиров при дальней космической навигации. И даже положение планет внутри солнечной системы – так сказать, секундная стрелка на космических часах – полностью соответствует данным их лоции, поэтому инопланетянки, называющие себя эйджел, твердо уверены, что находятся в родном для себя временном слое-реальности.

– А вот это гораздо хуже, – уверенно произнес главный военный вождь, – заброс – это разовая акция, а вот от местного явления стоит ждать повторных банкетов, быть может, даже более крупными силами, а мы даже от этого набега едва отбились – исключительно благодаря снайперской меткости артиллеристов и находчивости малышки Дэм.

– Это вполне реальная опасность, – согласился Сергей Петрович, – но такой повторный набег не может случиться завтра или послезавтра. Инспекционные визиты с целью проверить Землю, именуемую у эйджел «планетой-прародительницей», на признаки незаконной поселенческой деятельности случаются примерно раз в столетие, и мы три года назад подгадали как раз под один из них. Исчезновение команды инспекторов сначала не вызовет у Совета Кланов эйджел большой тревоги. Поскольку живут они долго и мыслят масштабами столетий, то следующую проверку могут снарядить лет через десять-двадцать. Мало ли что могло случиться: космос велик и опасен, а корабль у госпожи Азалиэн был очень старый, на грани полного физического износа. Но в любом случае для космической цивилизации, обитающей в соседнем рукаве галактики, мы преступники, нарушившие их правило сохранять Землю в полной неприкосновенности, и этот факт следует иметь в виду. За право жить на этой планете Аквилонии придется воевать с цивилизацией, превосходящей нас по уровню развития на порядок или два.

– Дэм считает, – поспешил добавить Сергей-младший, – что в следующий раз к нам явится не нищета с палками и в заштопанных трусах, а девки посерьезнее – как минимум, с бейсбольными битами и во вратарских доспехах, и против них не будут плясать наши сегодняшние трофеи. А потому Посредник, если не хочет увидеть крушение своего замысла, должен прислать нам по-настоящему весомую помощь в том же калибре, что и угроза.

– Посредник нам ничего не должен, – вздохнув, ответил Верховный шаман. – Прежде чем мы сможем рассчитывать хоть на какую-нибудь помощь с Его стороны, необходимо самостоятельно приложить к своему спасению все возможные усилия, а не сидеть на попе ровно и ждать подмоги. Поэтому Путь Искупления для эйджел темного клана Игла Мрака будет очень коротким, фактически включая в себя только последний этап. К этому обязывают как принесенные ими клятвы, так и необходимость как можно скорее освоить их технику. А теперь самое главное в текущий момент. Их челнок-шаттл, подбитый нашими артиллеристами, полностью исправен, только находится в положении, исключающем взлет. Если жука или черепаху перевернуть на спину, то они уже никуда не побегут – точно так же и с подобными летательными аппаратами, которым для взлета необходимо иметь нормальную ориентацию в пространстве. Андрей, ну ты меня понял: деревья, между которыми застрял их шаттл, необходимо срубить, а саму эту штуковину при помощи рычагов, талей и такой-то матери перевернуть в горизонтальное положение. Меня заверили, что, несмотря на свои довольно солидные размеры, летательный

аппарат очень легкий и прочный, и именно поэтому прямые попадания снарядов могли кувырять его в воздухе, но даже в самой малой степени не повредили обшивку.

– Хорошо, Петрович, мы это сделаем, – ответил главный военный вождь. – Что еще?

То подумал и сказал:

– Еще необходимо решить организационный вопрос. По типичному штатному расписанию темных эйджел, экипаж шаттла состоит из двух пилотов и тактика, выполняющего, помимо всего прочего, обязанности штурмана и командира. Теперь обязанности тактика-штурмана и командира разделяются. Если первую должность по-прежнему будет занимать темная эйджел (ибо она приспособлена к этим обязанностям на генетическом уровне), то командиром может быть только один из нас, настоящих людей. Кандидатура тут понятна и однозначна. Поскольку товарищ Бояринцев уже занял должность первого помощника на барке, то командиром шаттла я предлагаю назначить пока находящегося в резерве майора Агеева. Надеюсь, возражений не будет?

– Повезло тебе, Евгений Александрович, – вздохнул Бояринцев, – снова будешь летать, хоть и не за штурвалом... А нам останется только ходить по морю да глядеть в небо с завистью.

– Да и тебе грех жаловаться, Александр Яковлевич, – весело отозвался чрезвычайно довольный майор Агеев. – Ты у нас теперь семейный человек, можно даже сказать, многоженец – отправляешься с молодыми женами в свадебное морское путешествие. Морские пляжи в Порт-Тарифе, насколько я помню, очень даже ничего...

Бояринцев намеревался было ответить не менее язвительно, поскольку увидел некоторую насмешку в словах товарища, но Андрей Викторович прервал перепалку в самом зародыше.

– Брэк, товарищи! – резко сказал он. – Только ссор между своими нам сейчас и не хватало. Кстати, товарищ Агеев, мне известно, что у вас тоже была возможность стать семейным человеком, только вы от нее неблагоразумно отказались.

– Отказался, – вздохнул тот, – и, как мне кажется, вполне благоразумно. Эти девицы-претендентки годятся мне как минимум в дочери, да и куда мне еще семью, раз нет ни кола, ни двора, и кругом одно сплошное казарменное положение... А вот Александра Яковлевича, это, как я вижу, не смутило, и теперь он, как султан, при пяти молоденьких женах.

– До более-менее солидных лет по известным вам причинам тут прежде мало кто доживал, – сухо Верховный шаман. – Двадцать пять лет, по местным понятиям, это уже старушка, а незамужняя бобылка в восемнадцать лет – уже перестарок. Так что других невест, Евгений Александрович, у нас для вас нет, да и казарменное положение скоро закончится, а вот крепкая семья останется при вас навсегда. Так что подумайте хорошенько над своим поведением и не пренебрегайте девушками, которые решили подарить вам свою любовь. Ведь у них это искренне, от души.

– Ладно, Сергей Петрович, я хорошенько подумаю над вашими словами, – сказал майор Агеев и, прикусив губу, добавил: – А Александра Яковлевича я прошу меня простить за необдуманно сказанную глупость. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Да, ладно, Евгений Александрович, с кем не бывает, – махнул тот рукой. – Как говорит младший прогрессор Серега, проехали. Да и вообще, ты у нас счастливчик, в космос еще летаешь, как Гагарин...

– Что касается морских пляжей Порт-Тарифы, – добавил шаман Петрович, – должен сказать, что после завершения организационных мероприятий шаттл тоже будет направлен к контейнеровозу. Гораздо проще к месту погрузки перетаскивать шаттлом на внешней подвеске целые контейнеры, чем перевозить их содержимое к берегу в лошадиных выюках и на запряженных ослами тележках. Поэтому погрузку животных на борт необходимо прекратить, а тех, что уже загружены, вернуть обратно на берег. Думаю, до вечера вы с этим управитесь.

– Сергей Петрович, а эти эйджел – они вообще люди или как? – осторожно спросил адмирал Толбузин, задумчиво почесывая подбородок. – А то от их вида берут меня определенные сомнения...

– Ну как вам сказать, Никифор Васильевич, – пожал тот плечами, – после умственного общения с ними я сделал вывод, что каждая отдельно взятая эйджел может быть безусловно признана человеком, несмотря на свой несколько устрашающий внешний вид. Это, так сказать, научный факт. Другой научный факт заключается в том, что всю цивилизацию эйджел в целом человеческой считать нельзя. Чужды они нам, как какое-нибудь сообщество хищных разумных муравьев. Впрочем, нет, не так. Я бы назвал ее цивилизацией дикарей, которых подвергли насекомизации.

– Но это же абсурд, Сергей Петрович! – воскликнул Толбузин. – Дикари не создают цивилизаций! И, кстати, что значит «подвергли насекомизации»? Я вас не понимаю.

– Начнем с того, Никифор Васильевич, – учительским тоном произнес Сергей Петрович, – что маленькая леди Дэм, которая по части умственного общения гораздо опытнее всех нас, вскрыла сознание госпожи Азалиэн будто банку с консервированными огурцами, и выявила всю историческую и социальную подноготную эйджел, ибо ее взбесили зазнайские мысли темной матроны о своей «космической цивилизации». Эта девочка – большой молодец, и Серега может гордиться такой приемной дочерью, а я горжусь Серегой как своим учеником.

– Спасибо, Сергей Петрович, за признание моих скромных заслуг, – сказал Сергей-младший. – Но я всего лишь думал, как в том или ином случае поступите вы с Андреем Викторовичем, и старался делать точно так же. А теперь расскажите нам, что Дэм удалось узнать про цивилизацию эйджел – мы все в величайшем ожидании и нетерпении.

– Эйджел, – начал тот, – обитают в соседнем рукаве Галактики, а это очень и очень далеко отсюда, даже по космическим меркам. И в то же время они называют планетой-прародительницей нашу родную Землю, что означает, что их предки не развились в естественных условиях иной планеты из начальных неразумных форм, а примерно за шестьдесят тысяч лет до этого момента были похищены с нашей общей родины существом, в их мифологии проходящим под именем Древний. Этот, с позволения сказать, «благодетель», стацивший прямо из лаборатории Господа не до конца заверченный будущий венец Творения, решил, что он сможет его улучшить, превратив первобытных дикарей в космическую расу. Ему удалось дать эйджел долгую жизнь, улучшить их умственные способности, а также приспособить темную разновидность к существованию в условиях космических полетов. Поскольку, по его замыслу, будущий человек космический должен был заниматься только мыслительной деятельностью, Древний симбиотически присоединил к создаваемой космической цивилизации два специализированных сервисных вида: горхов – для тяжелых и технических работ, и сибх – в качестве личных слуг эйджел. Помимо этого фактора, роднящего их с высокоорганизованными насекомыми, в чьих гнездах особи различного назначения – солдаты, рабочие, обслуживающий персонал, матки и племенной молодежь – отличаются формой и размерами, в социальной структуре эйджел присутствуют и другие подобные явления. В частности, их кланы состоят исключительно из близких родственников по женской линии: дочерей, сестер и тетушек; размножается в клане только матрона, а самцы служат лишь источником генов для появления на свет новых поколений. По достижении физиологической зрелости их укладывают в так называемый сохраняющий сон и начинают «доить» с целью обмена спермой с другими кланами, ибо иное приведет к быстрому вырождению. При этом обычные отношения между мужчиной и женщиной у эйджел строжайше запрещены и считаются преступными.

– Но это же нетерпимая мерзость! – воскликнул адмирал Толбузин. – И вы, Сергей Петрович, об этом так спокойно говорите?

– Да, мерзость, Никифор Васильевич, – подтвердил председатель Правящего Сената Аквилонии, – но виновны в ней не эйджел, а тот самый Древний, устроивший их цивилиза-

цию в соответствии со своими представлениями о прекрасном. Помимо всего прочего, цивилизация эйджел не предусматривает существования государства ни на местном, ни на глобальном уровне, а так называемый Совет Кланов аморфен, как какое-нибудь облако в штанах, и не обладает ни малейшей реальной властью. Подобно местным дикарям, каждая семья-клан сама по себе и руководствуется только собственными интересами и договорными отношениями с другими кланами. Если соответствующие соглашения имеются, то кланы эйджел сотрудничают, а если их нет, то враждуют насмерть или, как минимум, относятся друг к другу безразлично. Никто не бросится искать пропавший корабль клана Игла Мрака, потому что всем прочим он неинтересен. Но есть у них и те качества, которые нам непременно понравятся. Во-первых, соглашения, если они все же заключены, соблюдаются эйджел, особенно темными, с фанатической преданностью, и прервать их может только гибель клана или его капитуляция перед лицом превосходящего врага. Не истребив пленных и не обратив их в рабство (как это обычно бывает между победителями и побежденными среди эйджел), а позволив принести клятвы на верность, мы обрели даже не союзников, а преданных сограждан, готовых служить Аквилонии и меняться уже в соответствии с нашими представлениями о прекрасном. Во-вторых, эйджел – что светлые, что темные – не приемлют ни частной, ни даже личной собственности. Все, что у них имеется – корабли и поместья со всем их содержимым – является коллективной собственностью клана, матрона которого живет в точно таких же условиях, как рядовые члены, ест то же самое и в том же количестве. На этом у меня, пожалуй, все, дальнейшее будет ясно по ходу действий, ведь эйджел еще предстоит выучить русский язык, чтобы при общении с ними нам не пришлось прибегать к весьма неудобной помощи ментоскопа.

– Да, – сказал отец Бонифаций, – вы прав. Наш долг перед Творец – воспитать из этот эйджел настоящий человек, открыть перед ним истина и объятий братский любовь. Я так думай. Аминь.

– Ну вот, – сказал Сергей Петрович, – Рим, то есть падре Бонифаций, высказался, а значит, дальнейшие дискуссии бессмысленны, и пора браться за работу.

12 июля 3-го года Миссии. Пятница. Поздний вечер. Первый этаж, правая столовая Большого Дома. Совет вождей.

Чисто вымытые, одетые, с прическами «шишка на макушке», которые обычно ради удобства носят «волчицы», обе матроны эйджел выглядели теперь более человекообразно, чем в своем исходном виде. Чтобы они понимали, о чем говорят присутствующие, между ними села леди Ляля, держа на правой ладони ментоскоп, а это двое положили на него свои руки – лилейно-белую и угольно-черную.

За несколько часов, что прошли с момента их пленения и обращения, они уже успели узнать, что группа хумансов, принявшая их к себе, изнутри оказалось гораздо больше похожей на общество эйджел, чем казалось с первого взгляда. Молодая самка по имени Ляля, что сейчас сидит между ними – это матрона высокого ранга, возглавляющая клан из восьми самок, связанных не кровным, а названным родством, и одного самца – того самого предводителя хумансов, что поставляет этим самкам генетический материал для размножения. Прикосновение к мыслям матроны хумансов дало самкам эйджел больше пищи для размышлений, чем все мысленные объяснения ее генетического партнера. Понятно же, что если самец в клане принят со стороны и не является прямым родственником самок², то отпадает необходимость и в сохраняющем сне, и в ужасной суете с обменом генетического материала, и, собственно, в запрете на прямые половые отношения.

² это матрон эйджел посетили мысли о матрилокальной семье, когда мужчина входит в семью к женщине, а не наоборот, как обычно происходит у народов индоевропейской группы.

Правда, хорошенько поразмыслив, обе матроны поняли, что там, дома, среди других эйджел, подобное новаторство было бы с ходу отвергнуто, ибо прямо противоречит заветам Древнего, вытащившего их расу к звездам и прописавшего для нее основные установления. Пожалуй, за такое предложение их не только подвергли бы всеобщему ostracismu, но и приговорили бы к немедленному физическому уничтожению, дабы не вводить в смущение неокрепшие умы. Впрочем, Совет Кланов очень далеко от планеты-прародительницы, и представляет собой только предполагаемую угрозу; а главные в этом месте – как раз хумансы, не мыслящие своей жизни без совокуплений. В те моменты, когда взгляд матроны Ляли направлен на ее самца, по мыслям этой самки пробегает рябь сладостных воспоминаний о прошлых физических контактах, и от них обеих эйджел тоже охватывает приятное томление. Ведь не зря предводитель хумансов сказал госпоже Азалиэн: «Никогда не говори никогда».

Тем временем в помещение, обычно предназначенное для совместных приемов пищи, заходят другие хумансы, и самка Ляля мысленно передает свое узнавание матронам эйджел. И тут госпожу Азалиэн и госпожу Мирал пронзает понимание того, насколько сложно внутренне устройство здешнего общества. Помимо главной группы хумансов-Основателей, прибывшей из одного довольно продвинутого временного слоя-реальности, здесь есть и другие, присоединившиеся к ней уже по ходу этого грандиозного эксперимента. От перекрещивающихся в воздухе нитей социальных связей у обеих матрон буквально рябит в глазах. Сложность этой социальной конструкции для кланов эйджел невыносимая, и от одного ее вида любая матрона готова запрыгнуть на потолок, при этом Ляля передала им знание того, что, хоть многие из этих хумансов происходят из гораздо более архаичных временных слоев, но сейчас они уже совсем не те, кем были прежде. Подтвердились слова маленькой самки Дэм о том, что местные хумансы самостоятельно карабкаются к вершинам цивилизации изо всех сил, и в этом их главное отличие от эйджел, застывших в самодовольном высокомерии от успехов, достигнутых чужими усилиями. Неудивительно, что эта конструкция с легкостью включила в себя юную представительницу народа деммов (вот она, сидит сейчас рядом со своим приемным дядей), а теперь готова принять и переварить сразу два клана эйджел.

В помещение входят три последних хуманса: тот самый предводитель воинов, что возглавлял осаду подбитого челнока, и еще двое. По внешнему виду предводителя можно сделать вывод, что он очень доволен собой и помощниками, отчего обе матроны эйджел понимают, что сейчас тут прозвучат все самые важные слова. И они не ошиблись.

– Все, – сказал главный военный вождь, – мы сделали это. Аппарат стоит на ровном киле. Особая благодарность товарищам Гаю Юнию и Арно де Ланвенжену. Это их люди сделали так, что ничего не стукнуло, ни брякнуло, а все опустилось как пушинка. Удивительно прочная и легкая штука: любой земной аппарат разбился бы в лепешку или был бы тяжело поврежден; на этом же после двух попаданий и падения не видно ни вмятины, ни царапины.

– Госпожа Азалиэн хочет сказать, – произнесла леди Ляля, – что тританиум, из которого сделан корпус малого челнока, действительно обладает одновременно и чрезвычайной прочностью, и легкостью. Теперь, когда он снова может летать, она хотела бы решить вопрос воссоединения ее клана. Ее младшие, недееспособные, дочери Тутан Аз и Мамал Аз слишком долго находятся не под присмотром старших. Также надо спустить сюда саркофаг с находящимся в сохраняющем сне самцом, а также всех оставшихся малых: горхов и сибх. Еще она хочет знать, что делать с Геон: оставить в бодрствующем состоянии или погрузить в сон ради экономии ее жизненного ресурса.

– А кто такая Геон, и почему ее тоже нельзя спустить вниз? – спросил Верховный шаман.

– Геон – это сам их корабль, – перевела его супруга мысль темной матроны, – точнее, его живой мозг, управляющий всеми устройствами и механизмами как своим телом. Геон очень стара, значительно старше госпожи Азалиэн, и потому ее жизненный ресурс очень ограничен. А еще старушка наверняка сильно волнуется, ведь, отправляясь на поверхность

планеты, хозяева отключили ей все силовые приводы, оставив только самые маломощные для безопасного маневрирования на орбите, после чего пропали бесследно.

Сделав паузу, леди Ляля добавила уже от себя:

– Не делайте кислых лиц, товарищи. Такой обычай – использовать живые мозги вместо бортовых компьютеров – эйджел привил этот дурацкий Древний, создавший всю их цивилизацию. Ну насекомый ведь придурок, что с него возьмешь?

– Действительно, – сказал Сергей Петрович, – имея дело с эйджел, следует помнить, что, как истинные космические дикари, они, даже творя величайшие мерзости, не ведают о том, как это плохо, так что сейчас нам не в чем их упрекнуть. Мы же не упрекаем местных дикарей, находящихся на том же уровне социального развития, за то, что они изгоняют в лес ненужных им женщин и детей. Нет, мы предпринимаем все возможное для того, чтобы спасти жизни несчастных, усиливаем при этом себя, но никого не упрекаем и не благодарим. Альтернативой такому подходу может быть только раздача местным кланам «гуманитарного» продовольствия, что вызовет в них иждивенческие настроения страшной силы и похоронит наш проект «Аквилония» на корню.

– Ляля, спроси у этой госпожи Азалиэн, имеется ли на борту их корабля оборудование способное обнаруживать на поверхности планеты искусственные объекты? – спросил Сергей-младший, меняя тему разговора. – Ведь они все же прилетели сюда с инспекцией, а нам было бы желательно сразу получить полный список того, где и чего уронил к нам Посредник. Быть может, мы чего-нибудь или кого-нибудь пропустили?

– Нет, – ответила та, – госпожа Азалиэн говорит, что таких сканеров у них на борту нет. Незаконное гнездо эйджел, на поиск которого они были настроены, в местных диких условиях непременно должно включать в себя мощный источник энергии для создания искусственной среды обитания. Поэтому атомную подводную лодку, авианосец или ледокол они обнаружить смогут, а что-то менее мощное, или даже вообще инертное, уже нет. Нас они нашли по наружному освещению в ночное время, и сначала пребывали от этого факта в величайшем недоумении. Чтобы искать искусственные объекты, необходимо картографировать всю планету по квадратам, а потом вручную просматривать изображения. Но это, Серега, как говорили в наше с тобой время, маргышкин труд. Ведь там, где вчера еще ничего не было, уже завтра может появиться подарок Посредника.

– Ты только не мельтеши, Серега, – сказал Андрей Викторович. – Все дружественные забросы, связанные с нами, случались там, где мы так или иначе могли подобрать этих людей, а нехорошие персонажи всегда приходили к нам прямо на дом. И вообще, сейчас нам как можно скорее необходимо решить насущную проблему наших новых сограждан, перевезти сюда с орбиты оставшихся членов их пока разделенного клана, провести разгрузку контейнеровоза, и лишь потом начинать воздушную разведку окрестностей...

– Но по сторонам при этом оглядываться совсем не помешает, – сказал Верховный шаман. – Есть же документированные случаи бесследных исчезновений кораблей и самолетов в разных частях света, проверить которые мы не могли из-за отсутствия физических возможностей. Если точно знать, куда лететь, то время на проверку каждого случая резко сокращается. Так что я бы поменял приоритеты. Сначала – воссоединение клана Игла Мрака, потом – проверка мест возможного крушения парохода «Сити оф Глазго» и другие подобные случаи, какие мы сможем вспомнить, и лишь в самом конце – контейнеровоз.

– Я тут подумал, – сказал майор Бояринцев, – что особо внимательно Евгению Александровичу стоит смотреть под крыло при полетах над восточной частью Северного Ледовитого океана до Берингова пролива включительно. Я имею в виду пропавший в тысяча девятьсот тридцать седьмом году самолет ДБ-А полярного летчика Леваневского. Последняя радиogramма, переданная с борта после пересечения точки Северного полюса, гласила, что произошел отказ крайнего правого двигателя, полет совершается в сплошных облаках, после чего

никакой достоверной информации от экипажа больше не имелось, и поиски по маршруту полета никаких результатов не принесли. Как пилот с большим практическим опытом полетов на четырехмоторных самолетах, могу сказать, что при отказе крайнего правого двигателя из-за асимметрии тяги возникает разворачивающий момент вправо, который экипаж, скорее всего, не заметил, потому что в облаках не мог ориентироваться по солнцу, а от гирокомпаса и магнитного компаса в окрестностях полюса нет никакого толку. Когда гирокомпас снова заработал, самолет взял курс строго на юг, но уже вдоль другого меридиана, и прилетел туда, где его никто и не пытался искать. Дружественный заброс в условиях такого бесследного исчезновения становится более чем вероятным.

– Хорошо, Александр Яковлевич, – кивнул майор Агеев, – версию ты высказал вполне правдоподобную, и если нам доведется пролетать над тем районом в ясную погоду, то я буду внимательно смотреть под крыло. Самолет в красно-оранжевой полярной раскраске или его обломки должны быть хорошо заметны на фоне вечных полярных льдов. Товарищ Леваневский – и в самом деле более чем вероятная кандидатура для дружественного заброса. Ну не Амалию же Эрхарт нам искать над просторами Тихого океана.

– Кстати, – сказал Сергей Петрович, – Ляля, представь госпоже Азалиэн ее нового командира, воздушного пилота первого класса майора Евгения Александровича Агеева.

Взгляд, который матрона темных бросила на нового командира, был полон какого-то особенного личного интереса, и даже женского вожделения, которые острее других ощутила главная жена Верховного шамана.

– Этот хуманс теперь будет наш муж, уважаемая госпожа Ляля? – мысленно спросила она у своей переводчицы.

– Нет, – послала та ответную мысль, – только командир. Станет он вашим мужем или нет, решать только вам и ему, ибо таковы правила.

– Раньше, – подумала матрона темных, – сочетание в одном контексте понятий «хуманс» и «пилот» выглядело для нас как невозможная ересь. Но теперь, здесь и сейчас, мы думаем уже несколько иначе. Мои дочери попытаются обучить этого хуманса управлению шаттлом через индуктивный линк. И если это получится, то это значит, что он настоящий пилот, а не только им называется. Это ты можешь сказать вслух, чтобы слышали все присутствующие, а все остальное озвучивать пока не надо. Мы с дочерьми еще будем присматриваться и выбирать. Кто мы такие, чтобы спорить с Великим Духом Вселенной, который решил так резко изменить нашу судьбу...

После того, как главная жена Верховного шамана пересказала мысли госпожи Азалиэн, за исключением личных, слово взял подполковник Легков. Прокашлявшись, он сообщил:

– Мы осмотрели представительниц внеземных рас светлых эйджел, темных эйджел и горхов, и пришли к выводу, что все они на сто процентов принадлежат к человеческому роду, лишь незначительно выходя за пределы обычной изменчивости. Среди некоторых африканских народов наблюдаются почти такие же пропорции тела, как у эйджел, а горхи вполне явно ведут свое происхождение от неандертальцев. Супруга товарища Блохина Ко любезно согласилась предстать перед нами в качестве сравнительного материала при осмотре. Посоветовавшись, мы решили, что всем представительницам расы эйджел рекомендуется усиленное питание и умеренные тренировки, ибо их состояние характеризуется выраженной недостаточностью массы тела у темных и простым дефицитом у светлых, а горхов, точнее, горхинь, следует кормить преимущественно белковой пищей, которую предпочитают и их дикие родственники. На этом у меня, собственно, все.

– Мы, эйджел, – стала транслировать мысль темная матрона, – ведем очень тяжелую жизнь, и стараемся есть поменьше, уделяя главную долю детям да горхам, которые без качественного питания не смогут исполнять свои функции. Мы так живем всегда, а потому привыкли. Пищевой ресурс у нас ограничен и стоит довольно дорого. Но я вижу, что тут у вас

много хорошей еды, и за то короткое время, что мы находимся в вашем клане, нас кормили досыта уже целых два раза, а это много. Мой живот говорит, что с тех времен, когда я перестала быть детенышем, ему еще никогда не было так хорошо.

Выслушав перевод леди Ляли, Сергей-младший пожал плечами и сказал:

– При наличии под рукой шаттла пищевой ресурс для нас вообще не проблема. В тундростепях полно живности, и если раньше охотничий поход туда был сопряжен с большими затратами времени и опасностями, то теперь добыча мяса для нас упрощается до полного безобразия. Даже охоту как таковую устраивать не потребуется, будет достаточно оглушить целое стадо парализатором, после чего можно выбирать, каких животных забить на мясо и шкуры, каких оставить гулять по степи дальше, чтобы дичь не переводилась, а каких забрать сюда для последующего разведения. Сколько бы эйджел ни съели, они не смогут потребить даже тысячной или миллионной доли того ресурса, который стал нам доступен с их помощью. Главное – сделать так, чтобы в летнее время это мясо не протухло понапрасну. В команде капитан-лейтенанта Голованова имеется вполне хозяйственный боцман Карелин, родом из архангельских лесовиков, который во время их похода через Босфор и Дарданеллы при длительных стоянках развернул целую индустрию по копчению и вялению запасов добытых мяса и рыбы. Предлагаю назначить этого человека начальником мясоперерабатывающего комбината и выделить ему для этого соответствующие людские и материальные ресурсы. На этом по продовольственному вопросу у меня все.

– Вот, – сказал председатель Верховного Совета Аквилонии, – очередная светлая мысль от Сереги: не ждать милостей от природы, а прийти туда, где они есть, и взять ровно столько, сколько надо. Впрочем, предлагаю все прочие вопросы решать по мере их возникновения, а пока на завтрашнее утро у нас намечены два дела: отправление к Порт-Тарифе бывшего датского барка и полет шаттла за оставшейся на орбите частью клана Игла Мрака. Что касается корабля по имени Геон, то вопрос своего сна или бодрствования это разумное существо должно решать само, ибо отныне оно обладает такими же правами, как и все прочие. Единственное, чего мы не можем допустить, это его самостоятельного отлета в населенную эйджел часть Галактики, потому что это поставит под угрозу наше собственное существование. На этом, я думаю, на сегодня все, расходимся, ибо уже поздно, а завтра будет новый день, который принесет нам очередные опасности и заботы. Покой, теперь, товарищи, нам будет только снится, и к этому следует привыкнуть.

13 июля 3-го года Миссии. Суббота. Утро. Окрестности Большого Дома.

С утра эйджел, ночевавшие в семейном общежитии, встали и плотно позавтракали, причем темные по голодной привычке прошлой жизни буквально вылизали свои миски. Потом отбывающие и провожающие вместе направились к шаттлу. Поскольку системы коммуникации эйджел не были совместимы с земной коротковолновой радиосвязью, на время полета майор Агеев обрел права полномочного представителя Правящего Сената – такие же, какие были во время похода на фрегате «Медуза» у Сергея-младшего. И вот он, челнок, действительно стоит на ровном киле, входной люк гостеприимно открыт.

Первой внутрь лезет младшая дочь Тенил Аз, проверить, все ли в порядке, но почти сразу выглядывает обратно с чрезвычайно встревоженным видом. Она что-то говорит на языке эйджел, и госпожа Азалиэн кладет руку на ментоскоп, который держит майор Агеев, и доводит до него понимание: «Геон умирает». Майор произносит эти слова вслух, чем приводит всех в величайшее недоумение.

– Как умирает? – спрашивает доктор Блохин.

– Мыслительная деятельность почти прекратилась, базовые функции в стадии угасания, – сообщает матрона. – Сфера обеспечения подает в кровь необходимые лекарства, но они способны только оттянуть неизбежный конец. Судя по показаниям приборов, имеет место раз-

рыв одного из сосудов мозга. Во всем виноват возраст Геон и неизбежные волнения вчерашнего дня.

– Геморрагический инсульт! – говорит подполковник Легков, поставив заочный диагноз. – Если медикаментозное лечение уже задействовано, а эффекта нет, то это... безнадежно.

– Думаю, что вы правы, уважаемый, – перевел майор Агеев мысли темной матроны. – А сейчас надо спасать наших младших и малых, времени почти нет.

Когда времени почти нет, парадных церемоний не устраивают и торжественных напутственных речей не говорят. Следом за Тенил Аз внутрь влезли Динал Аз, майор Агеев и госпожа Азалиэн, после чего люк закрылся. Внутри инопланетного челнока было тесно, эйджел на своих местах сидели в позе перочинного ножа, как баскетболисты в «запорожце». Освещение тусклое, темно-красное, как в фотолаборатории, узкая, как пенал, пилотская кабина в задней части без всяких люков и перегородок переходила в темный и обширный пассажирско-грузовой отсек.

Когда летчик-человек занимает в самолете свое место, он надевает гарнитуру самолетного переговорного устройства, а если на свое кресло усаживается член экипажа шаттла эйджел, она натягивает на голову корону индуктивного линка. У ведущего пилота линк управляющий, у второго – резервный, у матроны и представителя заказчика, на место которого усадили майора Агеева, линки связного типа – а все вместе это завязано на аппаратуру, по сравнению с которой ручной ментоскоп выглядит как мопед рядом с гоночным болидом. Майор почувствовал, как его лоб, виски и затылок плотно охватило гибкое кольцо; матрона подрегулировала какую-то аппаратуру, и он услышал внутри своей головы голоса: «Мы все здесь и готовы. Скорее взлетаем, младших надо спасать. Вперед!»

Потом перед его глазами мелькнула картина проваливающейся вниз земли, и он понял, что шаттл уже в воздухе и стремительно набирает высоту, а он видит и ощущает то же, что и девушка-пилот эйджел. Она скованна и неуверенна у самой поверхности планеты, но на высоте чувствует себя как птица в полете, только что выпущенная из клетки. Шаттл без груза несется стрелой все выше, выше и выше – и вот уже небо впереди становится сначала темно-синим, потом фиолетовым, а затем черным. Аппарат переворачивается через крыло, и майор видит зависший над головой голубоватый купол планеты, подернутый завитками облаков. Захваченный чувством восторга, он начинает мысленно цитировать первый куплет марша авиаторов:

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор!»

– Он наш, – радостно думает Динал Аз, не отрывая внимания от управления, – у него действительно душа пилота.

– Обычный дикий хуманс на его месте сжался бы в комок и скулил, – соглашается Тенил Аз, – а он нам поет... и хорошо поет.

– Мои дочери, тот второй, тоже должен быть неплох, но у него уже есть свой клан, а этот самец пока ничей, – мысленно соглашается с пилотами матрона.

– Мы его еще испытаем, – думает Динал Аз и добавляет: – Эй, хуманс, какой элемент полета получается у тебя лучше всего?

– Посадка! – мысленно произносит майор Агеев, вспоминая, как он сажал тяжеленный «Антей» на узкую полосу прибрежного луга.

Темные эйджел считывают его воспоминания и благоговейно умолкают.

– Вот это да! – через некоторое время думает Тенил Аз. – Посадить такую громадину – без вертикальной тяги, навигационных сигналов и без специальных пилотских генетических адаптаций, да еще на ручном управлении...

– Нас для этого специально готовили, – поясняет Агеев. – Неважно, куда ты летишь и что везешь, главное – благополучно сесть, даже если перед тобой не аэродром, а всего лишь минимально подходящая ровная площадка.

– И такое может каждый цивилизованный хуманс? – мысленно спрашивает Динал Аз.

– Нет, совсем немногие даже среди тех, что выбрали своей профессией полеты, – честно отвечает майор. – Но в нашем полку так могли все...

– Мудр наш главный самец-предводитель, положивший подобное к подобному, – думает госпожа Азалиэн. – Впрочем, мои дочери, хватит болтовни, мы еще успеем обсудить этого хуманса со всех сторон. А сейчас Геон приближается. Надеюсь, она умерла не до конца, и стыковочный узел еще функционирует.

Надежды матроны были не напрасны: стыковочный узел выдал координатную сеть, по которой Динал Аз усадила челнок кормой в колыбель. Тут настала очередь Евгения Агеева открывать от удивления рот: при наличии надежных навигационных сигналов пилотам темных эйджел было безразлично направление полета – прямо, вбок или задом наперед. Люди так не могут, мешают рефлексы.

И вот открылся кормовой люк, в грузовом отсеке зажглось такое же тусклое освещение, как и в пилотской кабине, и обернувшийся майор увидел на той стороне толпу мелких голеньких существ женского пола, похожих на человеческих подростков (как он понял, сибх), и среди них глыбами возвышались четыре горхини. И только потом в полутьме ему удалось разглядеть двух юных эйджел. Одну совсем маленькую, ростом даже ниже сибхи, и одну подросткового возраста, уже почти достигшую роста взрослого человеческого мужчины. Первым делом горхини втокнули внутрь грузового отсека парящий над полом продолговатый ящик, похожий на саркофаг древнеегипетских фараонов, и стали заносить в грузовой отсек какие-то сундуки и баулы, громоздя их друг на друга.

– Это инструменты и приборы, необходимые горхам в технической работе, – мысленно пояснила матрона. – Без них они просто очень сильные существа, а с ними – большая помощь нашему общему большому клану.

Как только погрузка материальных ценностей завершилась, в грузовой отсек молчаливой испуганной стайкой вбежали сибхи, будто только что выскочившие из женской половины школьной бани. И самыми последними, держа друг друга за руки, вошли две юные темные эйджел, после чего шаттл оказался заполнен так, что яблоку негде было упасть.

– Улетаем, и как можно скорее, – подумала госпожа Азалиэн. – Сейчас начнется агония, и в этот момент нам лучше быть как можно дальше отсюда. Геон очень долго служила нашему клану, а до того родителям и прародителям, но теперь ее время закончилось. Никто не думал, что это случится на орбите вокруг планеты-прародительницы.

Кормовой люк закрылся, и челнок как ошпаренный рванулся прочь от корабля. В момент агонии Корабля может случиться все что угодно, вплоть до взрыва реакторов. Но ничего особенного не произошло, просто госпожа Азалиэн подумала вслух: «Геон полностью умерла. Теперь у нас нет другого дома, кроме Аквилонии...»

– А что такое Аквилония, мама? – вслух спросила эйджел-подросток Тутан Аз. – И вообще, расскажи нам, где вы были все это время, куда делись светлые из клана Зоркого Ока, почему на тебе одежда, и что тут делает этот хуманс, рассеявшийся так, будто он главный уполномоченный Великого Духа Вселенной, а не обыкновенный самец?

– Тс-с-с, моя юная дочь, – ответила госпожа Азалиэн. – Аквилония – это то место, где живут цивилизованные хумансы. Во исполнение миссии, порученной нам Советом Кланов, мы напали на него и были побеждены, после чего тамошние предводители заявили, что они

не убивают пленных и не обращают их в рабство, а потому предлагают нам присоединиться к их большому цивилизованному клану.

– Но, мама, ведь цивилизованных хумансов не бывает! – ожидаемо воскликнула Тутан Аз.

– Оказалось, дочь, что такие необычные хумансы вполне бывают, но только не в этом времени, а в далеком будущем планеты-прародительницы, – ответила госпожа Азалиэн. – Волей Великого Духа Вселенной, с которой не станет спорить ни одно разумное существо, основатели-предводители Аквилонии пришли сюда оттуда, чтобы бросить искру разума в готовую к тому массу диких хумансов, и из этой искры сразу же начало разгораться яростное пламя цивилизации нового типа.

– Но это же ужасно, мама! – вскрикнула Тутан Аз. – Совет Кланов будет в бешенстве от такого нарушения установлений, оставленных нам Древним!

– Запомни, дочь, – строго ответила матрона, – наша сущность темных эйджел заключается в строгом соблюдении клятв и обещаний. Капитуляция перед цивилизованными хумансами полностью разорвала нашу довольно слабую связь с Советом Кланов – с того момента я думала только о нашем благополучии, и ни о чем более, и потому сразу вступила в большой клан Аквилония, как только мне это было предложено. Впрочем, что я тебе об этом рассказываю – вот прибудем на место, и сама все увидишь.

Если поднимался на орбиту челнок очень круто и быстро, то спуск в направлении с севера на юг (Геон находилась на полярной орбите, оптимальной с точки зрения инспекционной миссии) был гораздо более плавным и размеренным. Над Атлантическим побережьем Европы стояла ясная погода с редкими кучевыми облаками; при пролете над Британскими островами на высоте порядка тридцати километров уверенный обзор был километров на пятьсот в обе стороны от маршрута. Поэтому майор Агеев, вспомнив, что где-то по правому борту, на равнине, в цивилизованные времена бывшей восточной частью Ирландского моря может валяться пароход «Сити оф Глазго», попросил эйджел внимательно наблюдать за местностью внизу, на предмет поиска различных технических артефактов соответствующих размеров. Темная черточка лежащего на борту парохода посреди безлесной пустоши, в которую превратилось дно бывшего моря, была обнаружена довольно легко, а госпожа Азалиэн, подключившись к психосканеру, подтвердила, что выжившие внизу есть, и они сильно страдают. От берега моря до места крушения было не меньше ста километров, так что экспедиция морем к тому месту исключалась.

– Сейчас мы узнали, все что хотели, – подумал майор Агеев, – а потому не будем ничего предпринимать. Так что курс прежний, на Аквилонию.

Опускался шаттл строго вертикально, но не на проплешину в лесу, с которой вылетал, а на берег между Площадкой Собраний и Старой Пристанью. Во время снижения было видно, как пылит по дороге УАЗ и торопятся к месту посадки конные и пешие. Эта миссия закончилась благополучно, и теперь аквилонцам следовало приступить к решению следующих задач нового этапа их жизни.

13 июля 3-го года Миссии. Суббота. Полдень. Окрестности Большого Дома.

Когда шаттл приземлился, к нему сбежался весь аквилонский бомонд. На своей тележке вместе со старшей женой прикатил даже Антон Игоревич, по стариковской привычке ворча: «Вот улетели, и теперь вы их больше не увидите». Отсутствовали только Сергей-младший, адмирал Толбузин, капитан-лейтенант Голованов и майор Бояринцев, ибо бывший датский барк, которому так пока и не дали нового названия, отправился в рейс вскоре после отлета шаттла. Через пять суток они будут в Порт-Тарифе, и к тому времени челночные операции по переборке контейнеров должны быть уже в разгаре.

Вот в шаттле раскрылся кормовой люк, и на зеленую травку прибрежного луга, настороженно озираясь, стали выходить голенькие сибхи. Собственно, сюрпризом их появление ни для кого не было, но все равно Марина Витальевна удивленно всплеснула руками. Видимо, у нее при слове «сибха» возникли какие-то свои ассоциации, никак не связанные с видом испуганно жмущихся друг к другу худосочных девочек-подростков.

– Да это же совсем дети! – возмущенно воскликнула она.

– Да нет, Витальевна, – возразил Верховный шаман, – это вполне сформировавшиеся взрослые женские особи отдельного человекообразного вида, ведущего свое происхождение, насколько я понимаю, от хомо эректус, или человека прямоходящего. По их поводу вчера у нас с уважаемой матроной Азалиэн был отдельный разговор. Интеллект у сибх примерно такой же, как и у тех, на кого они похожи своим внешним видом, и они такие же незлобливые, послушные, любопытные и доверчивые, как и двенадцатилетние человеческие девочки. Падре Бонифаций, доведите, пожалуйста, до всех своих прихожан, что обидеть сибху или просто повысить на нее голос будет самым последним делом. Любого, кто это сделает, мы будем считать кем-то вроде человекообразного насекомого.

– И как вы их предполагаете использовать этих... сибх? – скептически хмыкнул подполковник Легков. – Ведь у вас тут практикуется правило «кто не работает, тот не ест», а вечные дети в принципе не способны трудиться...

– Вот тут вы, Алексей Никифорович, неправы – вы путаете ограниченную дееспособность с иждивенчеством, – ответил председатель Верховного Совета Аквилонии. – Меня заверили, что эти девочки весьма трудолюбивы, терпеливы и усидчивы, а еще обладают ловкими пальцами, способными делать тонкую работу. Задач, требующих серьезных умственных и физических усилий, им лучше не поручать, но с большинством так называемых женских работ они способны справляться с легкостью.

– А еще они весьма любвеобильны, что видно по их проказливым рожицам, – уперев руки в боки, заявила Дэм. – И вообще, господин профессор, вы бы лучше не рассуждали, а брали бы свою команду и вели молодое пополнение в баню на предмет помывки и медицинского осмотра. А то пахнет от этих сибх так, будто они только что вылезли из свинарника, а не прибыли с космического корабля.

– А ты что скажешь, Ляля? – спросил Сергей Петрович у своей главной жены, когда сибх, новеньких горхинь и двух юных эйджел увели в сторону бани.

– Я думаю, что Дэм права, – вздохнув, ответила та, – и не только по части свинарника, но и насчет любвеобильности тоже. Несмотря на их полную физиологическую зрелость, ни один представитель мужского пола, скажем так, старше двадцати лет не должен подходить к этим вечным девочкам в половом, так сказать, смысле, и на пушечный выстрел. Есть у меня подозрение, что этим сибхам, в силу их легкомысленности, невозможно привить наши понятия о семейной жизни, супружеской верности, а также запрете внебрачных и добрачных половых связей. И наказывать их за это или даже ругать будет просто бесполезно. Человеческие девочки в двенадцать лет не живут половой жизнью не потому, что понимают пагубность такого поступка, а оттого, что им это еще неинтересно. А этим интересно, и еще как, видно же было, как они хлестали взглядами по сторонам...

– Леди Ляля права, как у вас говорят, на все сто процентов, – безапелляционно заявила Дэм. – Прежде эти сибхи были лишены всяческих контактов с противоположным полом, но теперь, оказавшись среди множества самцов, они готовы кинуться в круговорот недоступных им ранее наслаждений. Запрещать им это будет слишком жестоко – все равно что не разрешать напиться тому, кто умирает от жажды. Я это говорю потому, что наши деммские дамы также гуляют от самца к самцу, даже не пытаясь запоминать их лиц...

– И что же, моя маленькая леди, когда ты подрастешь, то тоже станешь гулять направо и налево, весело помахивая хвостом? – спросил Сергей Петрович, с добродушной лукавинкой глядя на маленькую проказницу.

– У меня, – деммка гордо вскинула рогатую голову, – имеются и сила воли, и понятия о правильном поведении. Я уже выбрала среди вас себе мужчину, и когда дорасту до брачного возраста, то непременно выйду за него замуж по всем вашим правилам, которые стану соблюдать с неукоснительной точностью. Но сейчас речь не обо мне, а об этих, у которых нет ни того, ни другого. Лучше вам сразу установить правило «на сибхах не женятся», а также то, что получившийся приплод следует воспитывать в сиротском приюте под государственным наблюдением. А еще я бы установила, что встречаться с сибхами могут только те мальчики, у которых еще нет ни одной окончательной жены. Это будет гораздо лучше, чем простой возрастной порог в двадцать ваших лет. Зачем нам семейные скандалы по причине того, что молодой муж не кушает сладкое в кругу семьи, а гуляет налево к сибхам, потому что ему еще можно?

– Да, – согласился Верховный шаман, – пожалуй, так мы и сделаем. Для всех женатых и просто взрослых мужчин сибхи будут табу, а мальчики, если им этого захочется, пусть экспериментируют, и это не будет блудом, ибо сибхи такие, какие они есть. Но сейчас, когда мы обсудили этот вопрос, я хотел бы поговорить с товарищем Агеевым. Евгений Александрович, а вы что скажете про наших новых согражданах после первого пробного полета в одном экипаже?

– Мы с ними, Сергей Петрович, непременно сработаемся, – ответил майор Агеев, стоявший поблизости в окружении взрослых темных эйджел. – Хотелось бы только понимать их не только во время полета, когда мы все находимся внутри пилотажной ментальной системы челнока, но и, так сказать, в обычной жизни.

Дэм внимательно присмотрелась к темным, со всех сторон обступившим своего нового командира, и, хитро ухмыляясь, тихо сказала:

– Кажется, Сергей Петрович, ваш товарищ Агеев пропал... Эти трое признали его настоящим пилотом, и решили, что от такого человека будет не зазорно брать генетический материал для размножения, даже несмотря на то, что он принадлежит к другой расе. Главное тут – родство душ, а не цвет кожи или наличие-отсутствие хвоста. Да-да, именно так они и думают.

– Мы, собственно, совсем не против, – ответил ей Верховный шаман. – Если темные эйджел хотят всем своим кланом выйти замуж за одного мужчину, тем более своего собственного командира, то мы не будем этому препятствовать, ибо такое вполне укладывается в существующие правила. Вопрос только в том, как к этому желанию своего экипажа относится сам товарищ Агеев...

– Я не могу читать его мысли, – ответила маленькая деммка, – но чувствую, что он тоже не возражает. Как мне кажется, именно поэтому он хочет, чтобы его будущие жены поскорее выучили русский язык. Видимо, во время полета они хорошо поговорили через эту самую ментальную систему, и пришли к полному согласию. Да, и я, кажется, знаю, чем им можно помочь. Матрона Азалиэн думает, что у их цивилизации существуют такие большие машины, устроенные на том же принципе, что ментоскоп, и предназначенные для обучения прямо из ума в ум. Но они очень большие и дорогие, а потому подобного устройства на их корабле не было, а маленький ручной ментоскоп, или даже средняя ментальная система челнока, сами по себе учить не умеют. Но я могу попробовать добиться того же своими деммскими методами, используя коммуникационное оборудование челнока в качестве ментального усилителя своих обучающих заклинаний. У ручного ментоскопа для такого попросту не хватает мощности, даже для обучения одного человека, а тут, фигурально говоря, можно посадить за парты целый класс.

– Действуй, Дэм, – одобрил эту идею Сергей Петрович, – и помни, что в случае успеха наша благодарность тебе будет безмерна, ибо челнок темных эйджел – это важная составляю-

щая нашей новой стратегии, а взаимопонимание с его командой становится первоочередной целью.

– Обойдемся без благодарностей, – отмахнулась маленькая рогатая-хвостатая, – я это делаю не ради них, а потому что считаю себя одной из вас. Все мы в одной лодке, и наваливаемся на весла изо всех сил, убегая от того, что может оказаться хуже самой смерти. А сейчас предложите им такой способ, и если они согласятся, то я буду ковать железо, не отходя от кассы.

И майор Агеев, и эйджел (через ментоскоп) от этого предложения маленькой леди Дэм не отказались, после чего все по очереди снова скрылись в люке шаттла. Процедура обучения длилась больше часа, и все это время собравшиеся у челнока главные вожди терпеливо ждали. Но вот наконец в проеме люка показалась маленькая рогатая-хвостатая и, отирая со лба воображаемый трудовой пот, заявила:

– Все, товарищи, готово! Принимайте работу! Уф, а у меня такое чувство, будто я только что разгрузила вагон цемента.

Следом за Дэм из люка на подгибающихся ногах вылезла матрона темных, а вслед за ней Динал Аз и Тенил Аз вывели под руки майора Агеева. Видимо, полукустарный деммский процесс ментального обучения требовал серьезных усилий не только от ментора-наставника, но и от донора, и от учеников-реципиентов.

– Евгений скоро будет в норме, просто он немного устал, – на вполне понятном русском языке сказала госпожа Азалиэн. – Это и в самом деле была нелегкая работа. Я очень рада, что теперь могу говорить с вами не только из ума в ум при помощи ментоскопа, что, конечно очень важно, когда требуется удостовериться в искренности собеседника, но и самым обыкновенным способом через язык и уши. Малышка Дэм большой молодец. Я ее хвалю от всей души.

В ответ на это заявление раздались громкие всеобщие аплодисменты, и, когда они стихли, Верховный шаман сказал:

– Мы тоже очень рады, что вы теперь стали ближе к нам, а мы к вам. Сейчас настало время обеда, во время которого я во всеуслышание объявлю, что клан темных эйджел Игла Мрака обретает в Аквилонии права полного гражданства. Идемте скорее, товарищи – люди ждут, а еда стынет.

– О, – сказала матрона темных, – обед – это хорошо. Вы, хумансы Аквилонии, знаете толк в хорошей еде, и это нам в вас тоже нравится.

13 июля 3-го года Миссии. Суббота. Два часа дня. Первый этаж, правая столовая Большого Дома. Малый Совет вождей.

На Малый Совет, обсудить планы дальнейшего применения челнока темных эйджел собрались только те, кого это касалось непосредственно: верховный шаман Сергей Петрович, главный военный вождь Андрей Викторович, майор Евгений Агеев и матрона темных госпожа Азалиэн. Прошли всего сутки с небольшим с момента нападения – и вот уже глава темных эйджел сидит среди вождей не как пленный враг, а как своя среди своих. Теперь, после смерти Геон, Аквилония стала единственным домом клана Игла Мрака, и ради ее благополучия темные эйджел будут стараться как ради своего собственного.

Сергей Петрович подумал, что такое стремительное обращение темных эйджел могло произойти только при помощи малышки Дэм, а уже та, в свою очередь, появилась в Аквилонии по воле Посредника, а также благодаря человеколюбию и широте взглядов вольноопределяющегося Кариметова и Сергея-младшего. А закрепила успех старшая жена Сереги Мадлен, удочерив экзотическую девочку и тем самым намертво привязав ее к себе и Аквилонии узами материнско-дочерней любви.

Подумав о Мадлен, Верховный шаман вспомнил, что всего лишь девять месяцев назад у Сереги была совсем другая старшая жена. Та не только не стала бы удочерять маленькую

деммку, а еще устроила бы из-за нее грандиозный скандал, навсегда испортив реноме Аквилонии в глазах рогатой-хвостатой проказницы. Так что списание Кати в монахини тоже было шагом к сегодняшнему успеху, хотя тогда об этом никто и не подозревал.

– Итак, товарищи, – сказал он, – в общих чертах решив наши первоочередные проблемы, мы переходим к списку дальнейших задач. Но сперва несколько вопросов к госпоже Азалиэн по поводу их шаттла. Первым делом нас интересует, каков срок его функционирования в отрыве от снабжения с баз цивилизации эйджел, и в каком топливе, комплектующих и расходных материалах он нуждается.

Матрона темных немного подумала и ответила:

– Малый челнок у нас совсем новый, и в обозримом для хумансов будущем не будет нуждаться ни в чем, кроме вещества, которое нужно загружать внутрь преобразователя массы в энергию. Мы, темные эйджел, ведем кочевое космическое существование, зачастую на долгие годы отрываясь от тех мест, где можно было бы получить снабжение, а потому все наши корабли и оборудование устроены с таким расчетом, что они будут функционировать до полного физического износа, ну а потом их проще будет выбросить, чем пытаться отремонтировать. Ремонт у нас – это только устранение мелких повреждений и замена одного оборудования другим, более нужным в данный момент – например, парализатора лазерной пушкой. Корпус малого челнока настолько прочный, что его повреждение, требующее ремонта, будет означать, что все находившиеся внутри погибли с гарантией, и то же самое касается силовых двигателей и энергетической установки.

– А как же продовольствие? – спросил главный охотник и военный вождь. – Оно тоже было у вас вечным?

– Настоящие продовольствие мы закупали только на базах, и только тогда, когда на это имелись соответствующие ресурсы, – сказала госпожа Азалиэн. – Все остальное время мы питались биологической массой, которую вырабатывал из вторичных отходов пищевой синтезатор, представлявший часть системы жизнеобеспечения Геон. Но это была плохая еда. К тому же поскольку при каждом цикле переработки имелись небольшие потери, и это вынуждало нас время от времени заходить на базы и искать возможность купить хоть какое-нибудь продовольствие, потому что у нас становилось недостаточно даже плохой еды. Но тут у вас все совсем не так, и хорошая еда сама прыгает к нам в рот.

– Ну что же, – сказал Верховный шаман, – с тем, что представляет собой малый челнок, мы окончательно разобрались, да и вопрос хорошей еды для нас лежит в решаемой плоскости. Теперь пора переходить к планам на будущее...

– Сергей Петрович, – сказал майор Агеев, – когда мы возвращались с орбиты, то, пролетая над Британией, западнее нашего курса обнаружили на бывшем морском дне лежащий на борту трехмачтовый корабль – это наверняка бесследно пропавший в середине девятнадцатого века пароход «Сити оф Глазго». Матрона Азалиэн утверждает, что выжившие на месте катастрофы имеются, и им сейчас страшно и больно. При этом должен сказать, что морская спасательная экспедиция к тому месту бессмысленна, ибо расстояние от ближайшей точки побережья до места крушения – не меньше ста километров...

– Так! – с нажимом произнес Верховный шаман. – Надо сказать, что Посредник опять в своем репертуаре – мол, берите что дают. И хоть этот пароход нам сейчас весьма не вовремя, заняться им все же придется в первую очередь. Во-первых, людей после катастрофы надо спасать, и это не обсуждается. Во-вторых, любое иное действие с нашей стороны Свыше будет воспринято крайне негативно...

– В-третьих, – криво усмехнулся главный военный вождь, – при исчерпании запасов продовольствия вооруженные джентльмены могут начать есть детей пассажиров третьего класса. Читал я как-то про такую британскую черную шутку юмора викторианских времен – там, правда, упоминались ирландские дети. Да и на тонущем «Титанике» палубу с каютами тре-

твого класса команда попросту закрыла на ключ, ибо места в шлюпках не хватало даже состоятельным господам. В любом случае, сразу после катастрофы на месте крушения должна была возникнуть жесточайшая расовая диктатура: еще одна версия британской колонии на Галлиполийском полуострове, только вид сбоку, где вместо захваченных в рабство аборигенов – собственные пассажиры третьего класса.

– В отличие от Галлиполийского полуострова, весьма благоприятного для создания поселения, выжить там, где разбился пароход, самостоятельным образом сколь-нибудь длительное время просто невозможно, – убежденно произнес майор Агеев. – Местность там абсолютно безлесная, на вид как тундра; немного деревьев растет только вдоль русел рек, а зимой погода наверняка такая же, как в наши времена в Заполярье: бешеные ветра и лютые морозы. К тому же, если там у них классовая диктатура с жестоким угнетением простонародья, как говорит Андрей Викторович, то ни на какую эвакуацию в Аквилонию, хоть морем, хоть по воздуху, люди, находящиеся у власти, добровольно ни за что не согласятся. Британская политическая конструкция – хоть в середине девятнадцатого века, хоть в конце двадцатого – была прямо противоположна тем социалистическим порядкам, которые вы завели тут у себя. Таким образом, речь идет не о спасательной, а о войсковой операции, с высадкой десанта и насильственным свержением существующих властей, и только потом, когда эта задача будет выполнена, можно будет приступать к спасению потерпевших крушение.

– Товарищ Агеев совершенно прав, – сказал главный военный вождь, – добавлю лишь, что в середине девятнадцатого века Великобритания вела войну с Российской империей, при этом ее пропаганда старалась всячески очернять наших с вами предков. Британские газеты наперебой изощрались в сочинении всяческого вранья о зверствах русских казаков. Поэтому, заслышав русскую речь или завидев Андреевский флаг на мачте, пострадавшие встретят нас крайне враждебно, а появление на сцене темных эйджел с их челноком и вовсе приведет к катастрофическим последствиям. Разбегутся британцы по тундре во все стороны с истошным визгом... и ловить их придется по одному, а у нас для такого нет ни лишних людей, ни времени, ибо другие наши дела тоже не терпят отлагательств.

– А что, ваши так называемые цивилизованные хумансы британцы настолько дикие, что примутся убегать от тех, кто пришел их спасать? – спросила госпожа Азалиэн.

– Британцы полностью нецивилизованны по двум ключевым параметрам, – ответил Великий шаман. – Во-первых, настоящими людьми они считают только себя, а следовательно, заключая соглашение, стремятся к соблюдению только собственных интересов. Во-вторых, их правители не видят ничего плохого во лжи, и ради достижения своих целей врут не только чужим, но и собственному народу. Ложь громоздится на ложь, и этому не видно конца, потому что, один раз соврав, из страха разоблачения потом уже невозможно остановиться.

– Зачем тогда спасать этих британцев, если они такие? – резонно спросила матрона темных.

– Мы должны принять всех, кого нам пришлет Великий Дух, – ответил главный военный вождь. – Отказавшись помогать потерпевшим крушение, мы сами покажем признаки нецивилизованности, и последствия этого могут быть крайне тяжелыми. Иногда к нам приходят люди настолько плохие, что их можно только уничтожить, и такие забросы мы считаем испытанием нас на мужество и бдительность. Но чаще всего нам присылают тех, кого следует победить, а потом, приняв к себе, воспитать соответствующим цивилизованным образом, или вообще таких людей, которых сразу следует принять как своих, ибо они и так уже достаточно воспитаны. Цивилизованность – это не врожденное свойство, а продукт культуры и воспитания. И даже среди британцев большинство способно измениться к лучшему, ибо от своей британской системы их простой народ никогда не видел ничего хорошего.

– Ну хорошо, – сказала госпожа Азалиэн, – если того хочет Великий Дух, значит, так тому и быть, потому что с Его волей не спорят. Однако, если эти хумансы настолько дикие,

что с ними невозможно вести переговоры, то я предлагаю прилететь на то место в темное время суток, когда у вас, хумансов, не принято разгуливать по окрестностям, оглушить всех парализатором на максимальной мощности и высадить десант, чтобы тот навел порядок. И только потом можно будет без лишних проблем начать эвакуацию, как это у вас принято: сначала детенышей, потом взрослых самок, и лишь в самую последнюю очередь тупых и непослушных самцов.

Андрей Викторович переглянулся с Сергеем Петровичем и одобрительно кивнул.

– План у товарища Азалиэн дельный и, что самое ценное, прямолинейный, – сказал он. – Если переговоры бесполезны, то надо бахнуть, а не размазывать сопли по тарелке. Однако у меня есть одна поправка. Обработку парализатором лагеря потерпевших крушение на «Сити оф Глазго» лучше провести перед самым рассветом, а десант высаживать, когда уже будет достаточно светло, чтобы бойцы не спотыкались в темноте и не ломали ноги. А ночь лучше потратить на разведку, чтобы как можно точнее выяснить расположение сил противника. Ведь может же ваш челнок подлететь туда в темноте незаметно и осмотреть местность со всех сторон?

– Да, – подтвердила темная эйджел, – наш челнок такое может. Думаю, что ваше дополнение к нашему плану весьма разумно, а потому мы так и сделаем. Предлагать вам атаку с ходу с моей стороны было большой самонадеянностью.

– В таком случае, – веско произнес Верховный шаман, – мы сейчас завершаем наше совещание и отправляем всех причастных к операции «Пароход» на отдых. Вылет на разведку налегке, только с командиром десанта на борту, сразу после наступления темноты, а начало десантной операции – за час до рассвета. Не исключено, что по результатам разведки в план будут внесены изменения.

– Хорошо, – сказала госпожа Азалиэн, – я принимаю ваш предварительный план. Но прежде чем идти на отдых, я хотела бы встретиться со своими младшими дочерьми, а также увидеть, в каких условиях размещены малые моего клана. Пусть они теперь не собственность, а свободные личности, но как матрона я обязана продолжать проявлять о них заботу.

– Я вас понимаю, – кивнул Сергей Петрович, – а потому лично провожу вас туда, где наши специально обученные люди занимаются воспитанием как маленьких детей, так и почти взрослых подростков. Подростающее поколение – это наше все. Потом мы посетим мастерскую нашего главного инженера товарища Гвидо Белло, в чье подчинение поступили ваши горhini, а также полевой госпиталь подполковника Легкова, куда пока приписаны сибхи. Наш главный врач считает, что наилучшее их использование – это должности младшего медперсонала, где будут уместны их положительные качества и незаметны отрицательные. Конечно, и тех, и других еще предстоит обучить русскому языку, тем же экспресс-методом, что и вас. Но поскольку Дэм живое существо, а не машина, и не может проводить больше одного сеанса в день, все это еще растянется на некоторое время.

– Да, – сказала матрона темных, – все это верно. Но давай те же пойдем и посмотрим на все своими глазами, и пусть Евгений тоже идет с нами. Цивилизованные хумансы и их жизнь должны быть чрезвычайно интересны...

13 июля 3-го года Миссии. Суббота. Высохшее дно восточной части Ирландского моря, место крушения парохода «Сити оф Глазго»³.

Пароход-трансатлантик «Сити оф Глазго» принадлежавший компании «Инман Лайн», имея на борту семьдесят шесть человек команды, сто одиннадцать пассажиров-джентльменов в первом и втором классах, а также триста трудовых мигрантов (в основном ирландской

³ из команды и пассажиров авторам известна только фамилия и инициалы имени капитана «К. Моррисон». Все остальное установлено священным авторским произволом, в дальнейшем С.А.П.

национальности), вышел в рейс от Ливерпуля до Филадельфии 1-го марта 1854 года. Ирландское море встретило британское судно неласково: дул порывистый северный ветер, хлестал ледяной дождь, видимость ограничивалась несколькими кабельтовыми. В такую погоду хорошая хозяйка кошку из дому не выгонит, но мистер Инман, имея вместо сердца арифмометр⁴, не только погнал свой пароход в рейс строго по расписанию, невзирая на неблагоприятные условия, но и напихал в него столько попутного груза⁵, что плавание могло быть безопасным только в относительно спокойную погоду.

Примечания авторов:

По мере удаления от порта погода продолжала портиться; боковой ветер все сильнее крепил корабль, имеющий развитую парусность, а разогнавшиеся на просторе Ирландского моря волны тараном били в наветренный правый борт. Решающее слово в трагедии сказал груз, последнюю партию которого доставили на борт в последний момент и закрепили в спешке. Под воздействием постоянного крена на подветренный борт и ритмичных ударов волн по корпусу, сотрясавших весь корабль, плохо закрепленные рулоны отличного английского сукна высвободились из креплений и стали двигаться.

То, что крен постоянно увеличивается, заметили далеко не сразу, и когда на это обратили внимание и сообщили капитану Клиффорду Моррису, до катастрофы оставалось несколько минут. Предпринимать хоть что-нибудь ради спасения уже не было времени, оставалось лишь молиться, поскольку с того момента, как тяжелые мачты вышли за проекцию палубы, крен нарастал буквально на глазах.

И вот, когда «Сити оф Глазго» накренился на левый борт под углом сорок пять градусов, под ним сверкнула ярчайшая вспышка в миллионы свечей... Воды расступились, и изделие шотландских корабелов грохнулось с высоты десятка метров на пересохшее дно Ирландского моря за сорок тысяч лет до Рождества Христова.

Посадка получилась весьма жесткой. Хуже всего пришлось кочегарам и механику дежурной смены: они не пережили множественных разрывов паропроводов и взрыва левого котла жаротрубного типа. Были жертвы и среди палубной команды (выпали за борт и погибли почти все, включая вахтенного офицера Эшли Бойда), стюардов, а также пассажиров (вне зависимости от класса кают). Но большинство все же выжили, хотя и положение у них оказалось преужасным.

Когда те пассажиры и члены команды, что сохранили возможность двигаться, в том числе и капитан Моррисон, выбрались наружу из разломившегося на три части корпуса и осмотрелись по сторонам, ими овладели два главных чувства: ужас и недоумение. «Сити оф Глазго» лежал на чуть всхолмленной заболоченной равнине, покрытой стелющимися кустарниками и мхами, а неподалеку, примерно в миле к северу, протекала широкая река. Пейзаж дополняли группки пасущихся северных оленей и стаи гнездящихся то тут, то там уток, гусей, куликов, казарок и полярных куропаток. Середина июля – это разгар местного лета, и всякая пернатая живность торопилась поскорее вывести потомство, чтобы еще до наступления холодов поднять его на крыло.

И никаких признаков присутствия человека... Нигде не курятся дымком крытые оленьими шкурами чумы и не едут на нартах аборигены-самоеды. Человек в эти края ни разу не заходил, так что ни птицы, ни олени еще не знают, что этих странных двуногих, вылезших из грохнувшейся с небес вонючей штуки, следует опасаться даже больше, чем волков, песцов, ястребов и полярных сов. Но двуногим тоже пока не до охоты: они собирают погибших, перевязывают раненых и судорожно пытаются понять, что с ними случилось. И вот уже мобилизо-

⁴ первая коммерческая модель арифмометра, сконструированная французом Тома де Кольмаром, начала выпускаться в 1820 году.

⁵ в литературе, посвященной необъяснимым морским катастрофам, «Сити оф Глазго» числится погибшим от перегруза, вызванного жадностью судовладельца.

ванные пассажиры третьего класса и приравненные к ним члены команды копают на вершине ближайшего холма (там посуше, чем в низине, где лежит пароход) братскую могилу, а хирург Клинтон Лестер под навесом, сделанным из паруса, оперирует тех, кого еще можно попытаться спасти. Большая часть его пациентов умрет в течение нескольких дней, ибо этот коновал лезет в рану, даже не помыв руки, и никогда не стерилизует свои инструменты, но сейчас добрый доктор старается изо всех сил.

В то же время джентльмены из пассажиров первого класса и офицеры корабля собрались на совещание, посвященное тому, как им жить дальше. Идея о том, что «нас придут и спасут», этим людям даже не приходила в голову. Для них на дворе стоял суровый девятнадцатый век, когда не существовало еще никаких спасательных служб, а спасение утопающих было делом самих утопающих или, если повезет, разных случайных прохожих доброхотов. А тут, в этой дикой местности, не видно никаких признаков местного населения, которое можно попросить о помощи или ограбить, под дулами капсюльных револьверов отобрав упряжных животных и запасы продовольствия. Поэтому, решили джентльмены, теперь каждый сам за себя, и настоящим человеком будет только тот, у кого на поясе висит кольт, а тот, у кого колты нет, тот сам виноват в своих несчастях. При этом у матросов и кочегаров имеются ножи, а у пассажиров третьего класса нет и того: полиция перед посадкой отобрала у них все колюще-режущие предметы. Иерархия понятна: на самом верху – господа, потом – их верные слуги, а в самом низу – те, кого можно использовать в качестве бессловесного рабочего скота. Единственное, что сдерживало джентльменов от самых вопиющих безобразий, это неизбежное, как им казалось, возвращение к цивилизации и перспектива предстать за нарушение законов и своеволие перед судьями Ее Величества британской королевы Виктории.

Клуб джентльменов среди пассажиров первого класса возглавляли три солидных американских богача в возрасте «за пятьдесят», вместе с семьями и слугами возвращавшихся домой после турне по Европе: банкир из Нью-Йорка Ноэль Морган, скотопромышленник из Чикаго Ли Кэмерон и плантатор из Джорджии Сэм Питерсон. К этой группе вплотную примыкали два деятеля на одно поколение моложе. Британец Оуэн Холмс-младший направлялся в Филадельфию в качестве торгового агента своего отца, хозяина крупного ливерпульского торгового дома, и вез с собой молодую жену Кэти, вроде бы как в свадебное путешествие. Детей у пары еще не было, но где-то в течение полугода семья Холмсов ожидала первого пополнения. Вторым молодым джентльменом был старший сын и наследник табачного плантатора из Вирджинии Остин Бишоп – тоже, естественно, с приставкой «младший», и тоже свадебно путешествующий с молодой женой Кларой. Только у этой пары свадебный вояж уже заканчивался: попутешествовав по Европе, эта парочка возвращалась к своей плантации, неграм и всему, что с этим связано.

Еще в эту высшую страту «владельцев заводов, газет, пароходов» входили три незамужних сестры Пирсон: Барбара, Кларисса и Сибил – дочери лесопромышленника Эйба Пирсона, путешествующие в компании дуэньи и служанки. Но так как в их компании не было ни одного мужчины, то и обсуждать вопросы жизни и смерти их никто не звал. Не женское это дело – политика.

Все прочие пассажиры первого и второго классов были либо высокопоставленными клерками, спешившими за океан с поручениями своих хозяев, либо квалифицированными трудовыми мигрантами с дипломами о высшем образовании. Плата за тот же труд в Североамериканских Соединенных Штатах была раза в полтора выше, чем на территории британской Метрополии и вообще Европы – вот и летели за океан разные деятели британского, французского, немецкого и итальянского, и даже австрийского происхождения, будто мухи на мед. Это были тоже джентльмены, но, так сказать, низшего разряда, не относящиеся к классу «хозяев» и не озаботившиеся тем, чтобы иметь при себе оружие, а потому их судьба ничем не должна была отличаться от судьбы пассажиров третьего класса. Офицеры корабля, включая

капитана, тоже не относились к высшему разряду, но зато они были вооружены, в их руках находилась реальная власть на корабле, а потому с ними следовало считаться.

– Итак, джентльмены, – сказал Ноэль Морган, – кто-нибудь может объяснить, что же с нами произошло?

– Мы находились на краю гибели, – безапелляционно заявил капитан Моррисон, – во время шторма в трюме сместился плохо закрепленный груз, и опрокидывание корабля стало неизбежным. В этот момент все и произошло. Вода под корпусом пропала, и мы очутились на этой земле, так далеко от моря, что его отсюда даже не видать. Все прочие вопросы следует задавать Всемогущему Творцу, который спас нас от гибели таким невероятным способом. Я не могу точно сказать, где мы сейчас оказались: на севере Канады в окрестностях Баффинова или Гудзонова залива, или в ужасной русской Сибири – но, однозначно, вон там, на севере, лежат вечные льды. Отсюда их не видно, но они бросают на небо свой страшный белёсый отблеск, который мне уже доводилось однажды видеть во время плавания в высоких широтах. Таким образом, наш корабль мгновенно перекинуло на несколько тысяч миль, что невозможно ни для одного смертного существа...

– Вы ошибаетесь, капитан, и вы сами бы это поняли, если бы обращали внимание не только на окружающую нас местность, – мрачно возразил штурман «Сити оф Глазго» Эмери Ватсон. – Посмотрите, как высоко поднялось в небе солнце, чего никогда не бывает в арктических широтах. Если сейчас начало марта, то мы находимся где-то на широте Сахары, а если середина лета, то там же, где и были, то есть на широте Ливерпуля. Севернее этого рубежа мы не могли очутиться никак, ибо там солнце никогда не бывает в небе так высоко.

Это заявление штурмана шарахнуло Клиффорда Моррисона, да и всех прочих присутствующих, будто кирпичом по затылку. Капитан «Сити оф Глазго» машинально посмотрел на солнце – и побледнел, будто увидел на его диске улыбку Сатаны.

– Тундра на широте Сахары или хотя бы даже Ливерпуля – это же такая срань, которой не может быть никогда... просто потому, что ее не может быть! – заявил он. – И в то же время вы правы, Эмери: солнце стоит в небе так высоко, что просто нагло смеется над здравым британским смыслом. Теперь, насколько я понимаю, для того, чтобы точно определить наше местоположение по широте, следует дожидаться ночи и произвести замер высоты Полярной звезды над горизонтом?

– Вы совершенно правы, капитан, – кивнул штурман Ватсон, – именно это я и сделаю, едва только стемнеет. Но вот что я скажу вам, джентльмены: мы все должны быть готовы к самым невероятным и ужасным открытиям.

– Я вас не понимаю, мистер Ватсон, – сказал Сэм Питерсон, – какое отношение наше местоположение имеет к тому, что случилось с «Сити оф Глазго»?

– Все очень просто, мистер Питерсон, – вместо штурмана ответил капитан Моррисон. – Если бы мы находились на севере Канады или Сибири, как я предположил изначально, то это бы означало, что это катастрофическое спасение от гибели в пучине коснулось только нас и никого более. В таком случае мы должны были бы взять все, что можно унести на руках, и направиться на юг, где живут люди, существует цивилизация, и власть Ее Величества королевы Виктории. Это был бы тяжелый, быть может, смертельно опасный путь, но в конце его мы могли бы рассчитывать на помощь, а также должны были бы ответить перед властями за все совершенные нами нарушения законов. Если мы находимся на широте Ливерпуля и видим вокруг себя тундру, то это значит, что катастрофа постигла не только нас, но и весь мир, в котором больше нет ни власти королевы, ни законов, ни, возможно, даже других людей, кроме нас. В таком случае мы оказываемся предоставлены сами себе, не можем рассчитывать ни на какую помощь, но и никто ни за что нас не сможет наказать. Теперь вы понимаете, о чем речь?

– Да, понимаю, – вздохнул плантатор из Джорджии, – и это понимание сводит меня с ума. Одно дело вернуться домой через несколько месяцев, и даже через год – управляющий

у меня хороший, как-нибудь справится с делами на плантации... И совсем другая история – больше никогда не увидит своей собственности. Однако я осознаю, что проклинать мистера Ватсона в данном случае бессмысленно, ведь он – не более чем гонец, принесший дурную весть, да и упрекать Всемогущего Господа мне тоже не хочется, а то как бы не стало еще хуже. Уж я на его месте не потерпел бы никакого недовольства от своих рабов и показал бы им, что хозяин всегда прав.

– А я вот о чем подумал, джентльмены, – хмыкнул Ли Кэмерон, – если во всем мире нет больше ни власти, ни закона, то тогда мы тут власть и закон в последней инстанции, и никто не вправе нам указывать, кого карать, а кого миловать. У нас, джентльменов, есть револьверы, а у простонародья из третьего класса нет даже ножей. С этого дня мы их господа, а они наши рабы, которым не принадлежит ничего, даже их собственные никчемные жизни.

Молодые годы Ли Кэмерон провел на территориях западнее Великих озер; злые языки поговаривали, что он входил в банду грабителей дилижансов. Но однажды, после особо жирной добычи, все его подельники умерли при необъяснимых обстоятельствах (вроде бы даже во время ссоры перестреляли друг друга), в Чикаго появился новый преуспевающий респектабельный скотопромышленник.

– Идея хорошая, мистер Кэмерон, – веско произнес капитан Моррисон, – но я бы не торопился оглашать ее вслух до тех пор, пока Эмери не подтвердит нам свою догадку. Завтра утром мы соберемся снова и примем окончательное решение, а пока нужно озаботиться правильной организацией полевого лагеря, ибо внутри корпуса корабля, лежащего почти на борту, жить попросту невозможно. Если в этом мире больше нет никаких других людей, кроме команды и пассажиров «Сити оф Глазго», то наши рабы будут иметь весьма весомую ценность, ибо других взять будет неоткуда.

Лагерь разбили с южной стороны от корпуса парохода, прикрывавшего парусиновые палатки от пронизывающего северного ветра, а следующим утром штурман Ватсон с мрачным видом заявил капитану Моррисону:

– Все подтвердилось, капитан, и даже более того. Мы там же, где и находились, то есть на широте Ливерпуля, но осью мира сейчас является не Полярная звезда, а Вега, а это, по правилу о предварении равноденствий, означает, что сейчас идет сто двадцать пятый век до Рождества Христова. Небесные часы довольно точны, и их показания означают, что Господь не поразил весь мир карой наподобие Великого потопа, а лишь бросил наш «Сити оф Глазго» через невероятную толщу времен в далекое прошлое, где нет еще ни Британской империи, ни даже какой-нибудь достоверно известной нам ранней цивилизации. Об этом периоде отец истории Геродот писал как о временах атлантов, но это легенда, правдивость которой пока не подтверждена научной практикой. Мы знаем, что до Великого Потопа на Земле тоже жили люди, которые делали орудия из камня и существовали в полной дикости, но когда это было, я вам сказать не могу, потому что не знаю.

– Хорошо, Эмери... Того, что вы сказали, уже вполне достаточно, – ответил капитан Моррисон. – Будем считать, что Господь преподнес нам этот дикий мир в дар, как компенсацию за страх смерти и страдания. Если здесь есть какие-нибудь дикари, то мы их покорим силой своего оружия, а если их еще нет, то у нас уже имеются те, над кем мы будем властвовать.

После этого разговора капитан Моррисон собрал клуб джентльменов и объявил об открытии своего штурмана. А еще через два часа все прочие пассажиры потерпевшего время-крушение парохода-трансатлантика под дулами револьверов выслушали ужасающую новость, что теперь все они, за исключением нескольких счастливых, не свободные люди, а говорящее имущество, вьючной скот, находящийся в собственности кучки безумцев, которые решили вернуться в самые темные и архаические времена человеческой истории. Попытка сопротивления была пресечена самым жесточайшим образом: нескольких смутьянов-ирландцев без всяких колебаний подстрелили, а потом еще живыми повесили на нависающих над лагерьем

корабельных мачтах, чтобы все видели, что ждет бунтовщиков, вздумавших перечить новоявленной хунте джентльменов. Вопрос с переселением куда-нибудь на юг был решен. При этом рабы понесут запасы продовольствия и необходимы инструменты, а господа пойдут рядом с ними налегке. Для этого надо только подготовиться – то есть отобрать все необходимое в таком количестве, чтобы двуногая выючная скотина могла его унести на своих плечах.

Однако все эти события были бессмысленной суетой, потому что судьба всех этих людей была уже предрешена. Примерно около полудня небеса восточнее места крушения с севера на юг пересекла яркая точка, оставляя за собой быстро тающий белесый хвост. Впрочем, по большому счету это явление осталось незамеченным, потому что ни у господ, ни у рабов не было причины смотреть прямо вверх, а тот, кто это видел, никому ничего не сказал.

14 июля 3-го года Миссии. Воскресенье. Час ночи. Воздушное пространство в окрестностях места крушения парохода «Сити оф Глазго», шаттл темных эйджел.

На ночную разведку шаттл вылетел, имея на борту свою штатную команду, капитана Гаврилова, решившего лично провести рекогносцировку, лейтенанта Гуга и одно отделение его головорезок-следопыток (на том случай, если для уточнения ситуации понадобится брать языков). Переводчика с собой не брали, да и зачем он нужен, если пленного без всяких хлопот можно допросить через ментоскоп.

Нашли пароход довольно быстро. Он так же лежал на левом борту, и часовые, сидящие у немногочисленных костров, смотрели не за окружающей местностью, как вообще-то положено, а наблюдали за тем, что творится внутри лагеря. Но самой красноречивой деталью были тела повешенных, что покачивались на склоненных к земле мачтах корабля.

– Пожалуй, классовая диктатура богачей – это еще было мягко сказано, – послал мысль майор Агеев. – То, что мы видим, больше похоже на нацистский концлагерь, чем на нормальное буржуазное государство... Госпожа Азалиэн подключилась к психосканеру, после чего шаттл, черный на фоне черного неба, совершил круговой облет потерпевшего крушение парохода.

– Эти незаконнорожденные ублюдки обратили в рабов членов своего собственного клана Британия! – мысленно возмутилась матрона. – Это немыслимо, невероятно и невозможно для любых цивилизованных существ, и даже дикари не поступают таким образом, но факт того, что это случилось, неоспорим.

– Товарищ Орлов был прав, – бросил в общую копилку свою мысль капитан Гаврилов. – От века к веку британцы совершенно не меняются, оставаясь все теми же жестокими рабовладельцами.

– Британия несколько раз подвергалась завоеваниям, и каждый раз победители уничтожали или порабощали местное население, – подумал майор Агеев. – Первыми ее завоевали кельты, и от пиктов, населявших эти острова до них, остались только смутные сведения. Мол, были такие, но теперь их нет. Потом туда пришли соплеменники милейшего Гая Юния и установили свои порядки, но эти хотя бы не занимались тотальным геноцидом. Следующими были англы, саксы и юты – они поработили кельтское население, а уже за ними пришли французы из Нормандии, установив свою власть и обратив в рабов тех, кто был до них. Кроме того, надо вспомнить так называемое Огораживание, когда без всякого завоевания британские помещики и капиталисты вели войну против собственного народа ради того, чтобы превратить пахотные земли в пастбища для овец. С таким историческим опытом из британцев не могло получиться ничего иного, кроме того, что мы наблюдаем тут воочию. Стоило немного поскрести так называемого «просвещенного мореплавателя», как наружу тут же вылезло все то же мурло бандита и рабовладельца.

– Как вылезло, так и залезет обратно, товарищ майор, – мысленно хмыкнул капитан Гаврилов. – Как вы думаете, нам стоит брать языка, или это ненужный риск, потому что и так уже все ясно?

– Пожалуй, действительно все ясно и так, товарищ Гаврилов, – ответил командир шатла. – Ничего нового, кроме незначущих деталей, язык нам не сообщит, а вот переполошить местную публику его изъятие вполне может. Вот только не хватало, чтобы кто-то отправился на поиски пропавшего и в силу этого не попал бы под действие парализатора.

– Тогда план такой, – подумал капитан Гаврилов, – сейчас мы на некотором отдалении от вражеского лагеря высаживаем бойцов товарища Гуга с приказом занять позиции на возвышенностях по периметру и наблюдать за вражеским лагерем, потом доставляем сюда остальную часть его взвода, и перед самым рассветом – взвод лейтенанта Сердюка. В сумерках – удар парализатором, и сразу атака вражеского лагеря со всех сторон.

– А зачем так сложно? – спросил майор Агеев. – Первоначальный план предусматривал несколько иную диспозицию.

– Их там больше четырехсот рыл, – ответил ротный командир морской пехоты. – Чтобы, никого не убивая, удерживать в подчинении такую толпу перепуганного и сбитого с толку народа, в одном взводе просто не хватает людей. К тому же среди британцев немало женщин, и контролировать их все же удобнее девушкам, а не мужчинам.

– В таком случае согласен, – сказал Евгений Агеев. – Пусть будет так, товарищ капитан.

14 июля 3-го года Миссии. Воскресенье. Раннее утро. Место крушения парохода «Сити оф Глазго».

Беда к обитателям лагеря у места крушения «Сити оф Глазго» пришла в тот момент, когда никто из джентльменов ее не ждал. При первых проблесках рассвета в поглубевшем небе к югу от места крушения появился плоский обтекаемый силуэт, похожий на рыбу-ската, и затем на британский лагерь обрушилось бледно-голубое сияние расфокусированного парализующего излучения (еще одно отличие от первоначального плана). И поработители, и порабощенные должны видеть и осознавать все, что с ними происходит – это существенно упростит работу с ними на следующих этапах. И почти сразу же после удара на ближних подступах появилась цепь быстро шагающих вооруженных людей: половина в черной форме, половина в камуфлированной цвета хаки.

Джентльмены после воздействия парализатора и так были будто вареные и едва могли пошевелить рукой или ногой, но при виде незнакомцев угрожающей внешности у них и вовсе душа ушла в пятки, ведь люди в форме, неважно в какой – это всегда и везде представители Власти и Закона.

А солдаты неизвестной армии (по цвету мундиров и так понятно, что это не британцы и не американцы) уже подошли совсем близко. И вот в свете разгорающегося рассвета становятся видны их лица, покрытые диагональными черными полосами устрашающей раскраски – на них застыло выражение ненависти и отвращения. Можно было подумать, что сейчас эти люди видят перед собой самое отвратительное явление человеческой природы, какое только можно вообразить. Так смотрит воплощенная богиня Немезида⁶ перед тем, как нанести смертельный карающий удар.

Первым сломался Оуэн Холмс-младший. Он встал на колени и, не имея сил поднять руки, опустил их вдоль тела, раскрыв ладони, и при этом повторял: «Пощадите, ради Христа молю вас, пощадите! Я ни в чем не виноват!». И следом за ним также поступили и прочие джентльмены: они бормотали молитвы и просьбы о помиловании и косили взглядами то на приближающихся солдат, то на парящего в небе гигантского металлического «ската». Храбрые с безоружным и беззащитным простонародьем, перед лицом превосходящей вооруженной силы «люди высшего сорта» оказались дрожащими тварями, убоявшимися неизбежного возмездия.

⁶ Немезида – крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и нравственных порядков.

Один только Майлз Смит – слуга и телохранитель мистера Питерсона, бывший ганфайтер на Диком Западе – невероятным напряжением воли привстал с лежанки на одно колено и попытался было потянуться за своими револьверами, но и его ладони бессильно соскользнули с рукоятью оружия. А спустя весьма короткое время к ублюдку подошли двое «черных» и, завернув назад его руки, связали их его собственным поясом от штанов. Впрочем, и с другими участниками хунты джентльменов солдаты неизвестной армии сделали то же самое. И на все это молча смотрели те пассажиры «Сити оф Глазго» третьего и второго классов, которых капитан Моррисон, Ли Кэмерон, Сэм Питерсон, Ноэль Морган и компания еще вчера объявили своими рабами. Эти люди еще не знали, радоваться им или ужасаться, ведь новые хозяева, явившие просто необъяснимую мощь, могли оказаться стократ хуже старых.

В общем, операция по захвату обошлась не только без стрельбы, но даже и без мордобоя, после чего настало время разбора полетов. Летящий «скат» опустился на землю, и оттуда вышли двое: капитан Гаврилов и переводчик Александр Шмидт. Советский командир обвел захваченный лагерь внимательным взглядом и четко, с расстановкой заговорил, откровенно копируя манеру поведения Сергея-младшего.

– Я, капитан Василий Гаврилов, – стал переводить его слова Александр Шмидт, – командир роты морской пехоты и полномочный представитель Верховного Совета Народной Республики Аквилония, объявляю бывшие власти этого временного британского поселения низложенными и арестованными по обвинениям в превышении и узурпации власти, порабощении, а также множественных бессудных убийствах. В ближайшее время состоится следствие и суд, после которых все признанные виновными в означенных преступлениях будут приговорены к смертной казни через усекновение головы, ибо иных наказаний или помилования по этим статьям наш уголовный кодекс не предусматривает. Лица, признанные пособниками главных преступников, будут либо изгнаны голыми босыми в дикую местность, либо, если на то будет их желание, получат возможность пройти Путем Искупления – для того, чтобы в дальнейшей перспективе стать нашими полноправными согражданами, потому что мы не держим рабов и не убиваем тех, кого еще можно исправить. Тех из вас, кто окажется непричастен ни к каким преступлениям или вообще стал их жертвой, мы примем у себя в Аквилонии на правах кандидатов на гражданство. Дальнейшая их судьба будет зависеть только от их усердия, компетенции и талантов, ибо иного пути продвижения по социальной лестнице, кроме приложения личных общественно-полезных усилий, мы не признаем. Тех, кто не захочет принять эти условия, мы опять же отправим жить в дикую местность, ибо у нас не принято возиться с недоумками, не понимающими собственной пользы.

И бывшие господа из хунты джентльменов, и их слуги-пособники, и бывшие рабы слушали эту речь (точнее, ее английский перевод), не веря своим ушам. Для низвергнутых повелителей казалось невероятным, что их могут казнить в ближайшее время (то есть при самых минимальных процедурах) за преступления против свободы и жизни людей второго или даже третьего сорта. При этом их бывших жертв волновало совсем иное. Избавление от господ они восприняли как очевидную данность, но теперь не понимали, каким будет их будущее в государстве, о котором им неизвестно ничего, кроме названия.

Пока члены хунты джентльменов переваривали буквально убийственную для себя новость, первой решилась заговорить худая женщина, прижимающая к себе двух рыжеволосых детей – мальчика и девочку, примерно младшего школьного возраста.

– Господин, скажите, что будет с моими малютками? – спросила она с сильным ирландским акцентом, пошатываясь от остаточного эффекта действия парализатора. – Их отца вчера убили эти за непокорство, а они сами еще слишком малы для того, чтобы работать...

– Мы примем их на полный государственный пансион, дадим им воспитание и образование и вырастим как своих будущих сограждан, – перевел Александр Шмидт ответ капитана Гаврилова. – И это касается не только твоих детей, но и всех прочих. Подрастающее поколе-

ние, вне зависимости от его происхождения – это будущее нашего государства, и мы не жалеем ради него ничего. Достаточно тебе этого ответа, женщина, или нужно объяснить подробнее?

– Вполне достаточно, господин, – ответила та и подтолкнула своих детей вперед со словами: – Полин, Бран, идите к этому мужчине, он обещал дать вам хорошее будущее...

– Женщина, – сказал капитан Гаврилов, – почему ты отправила к нам детей, но не идешь сама?

– Я слаба и больна, – ответила несчастная вдова, – и не могу работать как в молодые годы. Все мои надежды были на мужа, но теперь его со мной нет.

– Если ты больна и слаба, то мы будем тебя лечить, до тех пор, пока ты не выздоровеешь и не наберешься сил, – перевел Александр Шмидт ответ капитана.

– Но лечение – это же дорого! – испуганно воскликнула женщина. – А у меня совсем нет денег...

– В нашем государстве людей лечат бесплатно и работу подбирают по силам и способностям, – возразил полномочный представитель Верховного Совета Аквилонии. – И это касается не только тебя, но и всех прочих. Ты не первая вдова, которая пришла к нам едва живая, но потом набралась сил, снова почувствовала вкус жизни и нашла себе нового мужа, а детям отца. Мы примем всех, кто хочет стать частью нашего общества, никто у нас не будет страдать без медицинской помощи, никто не останется раздетым и никто не ляжет спать голодным.

– Хорошо, мой добрый господин, – сказала женщина, – я, Сара О'Коннор, иду к вам.

Следом за первой ласточкой потянулись другие люди: сначала, робко, по одному, и такая же перекатная ирландская голь, как и вдова Нейла О'Коннора; потом желающие из числа трудящихся пошли семьями, и не только ирландцы, но и шотландцы с англичанами. Всех их гнала через океан неодолимая нужда, но вместо вожденной Америки им предстояло попасть в непонятную пока Аквилонию... И вот, наконец, пошли персонажи посolidнее (из пассажиров второго класса): два врача (один из них дантист), три железнодорожных техника, два инженера, дамский портной, молодой архитектор, учитель музыки и танцев, и даже парикмахер. Объявились и представители невостребованных в Аквилонии профессий: рекламные агенты, коммивояжеры, банковские клерки и один газетчик. Всем им было сказано, что ненужная профессия – это еще не приговор: были бы люди, а дело для них найдется. Собственно, после того, как лед тронулся, желающих вместо цивилизации отправиться в дикую местность почему-то оказалось совсем немного.

Когда основной поток схлынул, капитан Гаврилов сообщил, что сейчас начнется эвакуация. Сначала в главное поселение по воздуху отправят женщин с маленькими детьми, потом всех прочих добровольцев, и только в самом конце очередь дойдет до тех, кто пока не захотел присоединяться к Аквилонии, государственных преступников и их семей, члены которых считаются соучастниками. Мол, даже с ними будут разбираться уже на месте, а тут, в тундре, не оставят ни одного человека.

А впереди у выходцев из середины девятнадцатого века был еще один шок: встреча с такими милыми существами, как темные эйджел...

14 июля 3-го года Миссии. Воскресенье. Около полудня. Окрестности Большого Дома. Малый Совет вождей на свежем воздухе.

Шаттл делал рейс за рейсом, партиями по тридцать человек привозя в Аквилонию все новых трудовых мигрантов, а тут их встречали медики (Манфред Юнге, да и доктор Гомлицкий вполне прилично владели аглицким языком), проводили помывку, стрижку, прожарку одежды в сушилке для дерева⁷, а также производили первичный медицинский осмотр. Сразу

⁷ вши погибают через пятнадцать-двадцать минут нахождения при температуре выше сорока градусов, для гнид убийственны шестьдесят градусов, а сушилка прогрета до температуры финской сауны, то есть до ста двадцати градусов, произ-

после осмотра наголо остриженным во всех местах женщинам и их детям возвращали их вещи, после чего вели к летней столовой, где на столах уже исходили паром чашки-плошки с густым варевом из мяса и свежих овощей. Невооруженное тыловое подразделение леди Натальи с самого утра хлопотало возле очагов и котлов, чтобы посытнее накормить прибывающих новообращенных. В своей прошлой жизни трудовые мигрантки ели мясо только по большим праздникам: лучшие куски в их семьях всегда доставались мужчинам, чтобы те могли заниматься тяжелым физическим трудом, а прочие члены семьи питались по остаточному принципу. И тут им за один раз дают столько хорошей еды, что перед этим сразу меркнут ужасы мытья горячей водой и мылом, стрижка и бесцеремонное внимание врачей к их здоровью.

После обеда детей отправляли в ведомство леди Фэры, а взрослых женщин и девиц-подростков, размякших и осовевших после сытной еды, при помощи Джонни Гудвина наскоро сортировали по рабочим командам. Леди Лиза, со времен Племена Огня руководившая в Аквилонии швейной командой, была чрезвычайно довольна.

– Это просто праздник какой-то! – говорила она. – Все женщины – от совсем молоденьких девиц до солидных – матрон умеют шить на вполне приличном уровне. Если для монахинь леди Агнессы шитье – это своего рода развлечение, а для гречанок с острова Самофраки – одно из множества возможных занятий, то у этих мигранток швейное мастерство на крепком рабочем уровне.

– В те пыльные времена, – сказал Верховный шаман Петрович, – трудящаяся женщина без образования могла быть только швеей, прачкой или проституткой, и более никем. К тому же магазинов готового платья еще не было, а обращаться к портным простым людям было не по карману, поэтому все, что надето на этих женщинах и их детях, пошито их собственными руками. Их бывшие господа – полная мразь, на которой клейма ставить негде, но все прочие – это так необходимое нам крепкое рабочее пополнение.

Подполковник Легков, напротив, от пополнения пребывал в полном пессимизме.

– Это просто ужас, товарищи, – сказал он, на пару минут вырвавшись из круговерти дел. – Вши, платяные и головные, общее истощение, несколько подозрений на туберкулез... не исключен сифилис и другие инфекционные болезни.

– Болезни следует лечить, – сказал главный военный вождь, – на то вы и врач, при довольно солидном наборе медикаментов и оборудования. Истощенных следует откармливать усиленным питанием – все, как в тех случаях, когда мы принимаем из кланов живые скелеты и за два-три месяца доводим этих женщин до вполне кондиционного состояния, когда хоть замуж, хоть на войну.

– Тогда, – сказал начальник аквилонской медицинской службы, – я делаю заявку на скорейшую доставку сюда как можно большего количества югоросской сыворотки номер один. По своему спектру действия этот препарат перекрывает все антибиотики, известные науке моего времени, а также обладает множеством других, я бы сказал, уникальных свойств.

Верховный шаман и главный военный вождь переглянулись, и Сергей Петрович сказал:

– А я подумал о том, что следствие по делу хунты джентльменов нужно провести по всем правилам, тщательно отделив первую категорию виновных от второй. Приговор должен быть юридически безупречным, а казнь необходимо организовать максимально публичным образом, чтобы все видели, что наше правосудие беспощадно карает даже самых жирных котов. Но я за такое не возьмусь, а потому сюда было бы неплохо доставить нашего единственного квалифицированного сотрудника спецслужб, то есть майора югоросского КГБ Лопатина. Но при этом я не могу понять, кем его можно будет заменить в Порт-Тарифе на то время, пока он занимается у нас работой по основной специальности.

– Ты, Петрович, главное, не суетись, – ответил главный военный вождь. – Ведь нет же никакой необходимости устраивать судилище немедленно. Через четыре дня до Порт-Тарифы дойдет барк, и пока идет процесс погрузки на борт всего того, что шаттл успеет натаскать к берегу, командовать на месте сможет Серега. А майора Лопатина мы, соответственно, выдернем сюда. И нашего единственного дипломированного юриста товарища Кариметова тоже. Пора присваивать ему лейтенанта юстиции и использовать по специальности. А господа джентльмены тем временем подождут решения своей судьбы... Сразу после доставки засунем их в пока пустующий неф – пусть сидят себе в трюме и не чирикают. Заодно у них будет возможность хорошенько подумать о том, что они натворили, и, быть может, даже покаяться в своих прегрешениях. Впрочем, последнее уже по части падре Бонифация и отца Макария.

– Покаются эти, держи карман шире! – хмыкнул Верховный шаман. – Чтобы стать джентльменом по-американски, совести надо не иметь по определению. Впрочем, по всем прочим вопросам я с тобой полностью согласен. Особой причины для спешки в этом деле у нас с тобой вроде нет, так что мы спокойно можем отложить его до более удобного момента. Да и заключенных из двух других нефов товарищу Лопатину было бы неплохо хорошенько поспрашивать через ментоскоп, чтобы выяснить, кто там убежденные мерзавцы, не желающие исправляться, а кого просто держит круговая порука наглухо замкнутой еврейской общины.

– Только вот что я вам скажу, товарищи главные вожди, по поводу женщин, детей и служанок англосаксонских джентльменов, – сказала леди Ляля. – Считаю, что будет совершенно неправильно засовывать их в трюм нефа вместе с главными негодьями. Лишнее это. Допросить этих особ, конечно, необходимо, но держать их все же следует на берегу, отдельно от мужчин, а еще я бы советовала в принудительном порядке применить к ним Путь Искупления. Если я правильно помню историческую теорию, то всю жизнь они послушно исполняли распоряжения и желания своих отцов и мужей, и сейчас все должно быть точно так же. Не было у них никогда своей собственной воли, за исключением выбора любовника, и сейчас было бы ошибкой дать им возможность сделать личный выбор, ибо они не знают, что это такое. Одеть всех в рабочее – и пинком под пышный зад отправить на поля пропалывать сорняки или месить ногами глину на кирпичном заводе под командой Алохэ-Анны, как это со слезами делают искупающие свои грехи еврейки. Раз-два. За все в этой жизни надо платить, и за их прошлое сладкое и мягкое существование тоже.

– А ты жестокая, Ляля, – усмехнулся главный военный вождь, – нежных и сдобных викторианских леди, жен и дочерей банкиров-плантаторов, ты хочешь подвергнуть унижению тяжелым физическим трудом, послав их на плантации, будто каких-то негритянок. Ничего подобного мы не делали ни с леди Гвендаллион, ни с леди Агнессой, и даже у напавших на нас темных эйджел Искупление продолжалось всего один день, и занимались они им, работая по своей пилотской специальности.

– Леди Гвендаллион – железная женщина, – возразила та. – После смерти мужа она десять лет управляла своим кланом, возглавила его спасение, а потом сдала нам своих людей в полном порядке и здравом рассудке, хотя от пережитого у многих могла поехать крыша. Да и тут, в Аквилонии, она не груши околачивает, а занимается важным и нужным делом, увеличивая наше общее благосостояние. Леди Агнесса так же, все поняла правильно, приняла наши порядки и теперь работает над тем, чтобы укрепить наше общество в духовном плане. Про темных эйджел я вообще молчу, потерпев поражение, они принесли нам клятву верности, и теперь стали нашей главной возможностью победить в битве за выживание. А эти... я даже не знаю, получится из них вообще что-нибудь путное или нет, ибо они даже хозяйством своим по жизни никогда не управляли...

– Лялька права, – убежденно произнесла леди Лиза, – а вы, товарищи вожди, впали в неумеренное зубоскальство. Плантаторш-банкирш необходимо загрузить в нашу социальную кастрюлю с головой и варить в ней до готовности, даже если полученный продукт потом

придется выбросить в яму для отходов. По крайней мере, никто не скажет, что мы не старались. Но сейчас я хочу говорить не об этом человеческом балласте, а о темных эйджел. Если они важная составляющая часть нашей стратегии и уже завершили свое Искупление, то им негоже ходить в том же, в чем ходит основная масса наших женщин. Насколько я знаю, на этом дурацком пароходе, помимо команды и пассажиров, нашелся груз хорошего английского сукна⁸ синего и черного цвета. Надо снять мерки и пошить им и заодно товарищу Агееву что-то вроде мундиров, чтобы сразу было видно, что эти люди занимают в нашем обществе важное и уважаемое место.

– А вот это, Лизонька, с твоей стороны очень глубокая мысль, – одобрил главный военный вождь. – Мундир – это не только удобная и практичная одежда, но еще и средство демонстрации социальной роли, а в случае с темными эйджел еще и инструмент для изменения их внутренней самоидентификации. Теперь они – гражданки Аквилонии темноэйджеловского происхождения, и никак иначе. И вообще, пора приводить экипаж шаттла к нашим армейским стандартам. Пилотессы должны получить звания лейтенантов, товарищ Азалиэн – стать капитаном, а товарищ Агеев останется в своем прежнем звании майора.

– Все это хорошо, Андрей, – сказал Верховный шаман, – но не слишком ли жарко им будет в суконных мундирах?

– Темные эйджел весьма теплолюбивы, и в наших фривольных юбочках и топиках откровенно зябнут, особенно ночами, – ответила леди Ляля. – На время их нахождения в шаттле, где довольно жарко, следует предусмотреть мундир лайт, состоящий из коротких шорт и форменного жилета. Надо будет пошарить на контейнеровозе в контейнерах со спортивным барахлом – быть может, там найдутся футболки с короткими рукавами, соответствующего мундирам темно-синего цвета.

– Ну хорошо, значит, так тому и быть, – подытожил Сергей Петрович. – Ты, Лиза, у нас заведующая швейной мастерской, тебе эту работу и выполнять. К построению мундиров для темных эйджел привлечешь дамского портного, который тоже оказался среди пассажиров парохода. Пусть потрудится по специальности пока на примере темных эйджел, а потом, если у него все получится, талоны на посещение дамского портного станут одним из весомых вознаграждений для наших девушек и женщин за успехи в труде и учебе. Теперь о текущих делах. Сначала шаттл закончит вывозить людей с места крушения «Сити оф Глазго», потом совершит еще один рейс к контейнеровозу за сывороткой номер один и разными промежуточными обновками для наших новых гражданок. Затем Лиза снимет с темных эйджел мерки, после чего они на одни сутки отправятся на отдых после столь напряженного труда. Пока они будут отсыпаться, мундиры должны быть раскроены, сметаны и подготовлены к первичной примерке, после чего шаттл убудет к контейнеровозу, выполнять разгрузочные операции. На этом в общих чертах пока все.

14 июля 3-го года Миссии. Воскресенье. Вечер. Окрестности Большого Дома. Жена плантатора из Джорджии Лора Питерсон (40 лет)

Даже после крушения «Сити оф Глазго» глубоко в безднах прошлых времен наша семья сохранила свое положение на самой вершине общества, и команда корабля во главе с капитаном Моррисоном старалась обеспечивать нам максимально возможный в таких условиях уровень комфорта. Местность, в которую выбросило наш пароход, оказалась крайне неблагоприятной для проживания, и мой муж сказал, что нам придется отправиться в пеший поход на юг искать более подходящее место для того, чтобы, подобно пассажирам «Мэйфлауэра»,

⁸ до Гражданской войны и реформ Линкольна американская экономика носила в основном аграрный характер, и товары машинной выделки и сукно поступали в основном из Британии, для которой бывшие североамериканские колонии являлись важным рынком сбыта.

основать⁹ свое поселение. Трудности предстоящего перехода пугали меня до дрожи в ногах, ведь у нас не было с собой ни лошадей, ни каких-либо еще упряжных или вьючных животных, а местность вокруг лежащего на боку парохода не располагала к увеселительным пешим прогулкам.

Но мой муж и его приятели из клуба джентльменов все замечательно придумали. Сговорившись с офицерами парохода, которым тоже были обещаны важные роли, они под дулами револьверов обратили всех прочих пассажиров из третьего и второго класса в наш двуногий рабочий скот – такой же, что был у нас на плантации, только белого, а не черного цвета кожи. Я к этому событию отнеслась со сдержанным одобрением, потому что Сэм (*муж*) сказал, что при новой власти меня и младших детей будут нести в паланкинах по четверо сильных мужчин. Эта новость примирила меня с ближайшим будущим, и я легла спать в своей палатке под толстым одеялом с уверенностью в завтрашнем дне.

Но этот день, когда он наступил, оказался самым кошмарным днем в моей жизни. Как оказалось, у этого мира уже имеются свои хозяева. И они решили прийти к нам и спросить, кто мы такие и что нам тут надо. На нас напали со всех сторон, едва в небе забрезжил рассвет. Я проснулась от шума снаружи, и первым моим чувством была слабость во всем теле, так что пошевелить рукой или ногой стоило невероятных усилий воли. Мне казалось, что я закричала от ужаса, но на самом деле мой голос был не громче обычного шепота. Никто из наших мужчин и не пытался сопротивляться: во-первых, их тоже поразила необычайная слабость, а во-вторых, потому что нападающие были одеты в военную форму, а это значило, что они представляют власть и закон. Часть пришельцев носила мундиры черного цвета, через раскрытый ворот которых были видны полосатые рубахи, как у каторжников, форма других имела цвет пожухлой травы и была покрыта черными полосами и разводами. И те, и другие размалевали свои лица пятью диагональными черными полосами, похожими на след, проведенный пятерней, что, вероятно, должно было означать, что эти люди вышли с нами на тропу войны.

⁹ если двигаться точно на юг от места крушения «Сити оф Глазго», то через четыреста тридцать километров, или месяц-полтора пути через холмы и речные долины, караван спасающихся от подступающей зимы беглецов к концу лета пришел бы к дельте реки Великой, что отделяет нынешние Британские острова от европейского континента. Климат там мягче, чем в месте крушения, но все же слишком суров для основания автономного поселения. Так что до весны, скорее всего, из потерпевших крушение не дожил бы никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.